

Не в силе Бог, а в правде!

Журнал «Посев». Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2,
оф. 96, тел./факс: (495) 625-92-48

Издаётся с разрешения и при содействии
издательства POSSEV GmbH Frankfurt am
Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

*Г.М. Амнуэль, Ю.К. Амосов,
Т.П. Артёмова, Б.Д. Бедросьян,
С.В. Волков, А.Б. Горянин,
В.Э. Долинин, Е.И. Древинский,
Г.В. Кокунько, О.А. Кузнецова,
С.М. Маркедонов, Б.С. Пушкарёв,
А.Р. Редлих, Ю.А. Рыбаков,
В.А. Сендеров, В.Б. Славин-Боровский,
М.В. Славинский, В.Ж. Цветков,
И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.*

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2,
оф. 96

Ю.С. Цурганову

Телефон/факс в Москве:
(495) 625-92-48

E-mail: tsurganov@mail.ru;
posevru@online.ru

http://www.posev.ru

Адрес филиала редакции за рубежом:
Possev, Flurscheideweg 15,
D-65936, Frankfurt a. M., Germany
Tel. 34-7355; fax 34-3841.
http://www.posev.de
E-mail: posev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве
печати и информации Российской Федера-
ции 29.11.2002 г.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Изда-
тельское, исследовательское и просвети-
тельское содружество "Посев"».

ISSN 0234-8284

Корректор

А.М. Самойлова

Вёрстка

М.Ю. Родионов

Мнения авторов не всегда совпадают
с точкой зрения редакции. Ответствен-
ность за точность приводимых сведений
несут авторы. Редакция в переписку с нео-
публикованными авторами не вступает.
Рукописи не возвращаются и не рецензи-
руются. При перепечатке любых материа-
лов ссылка на источник обязательна.

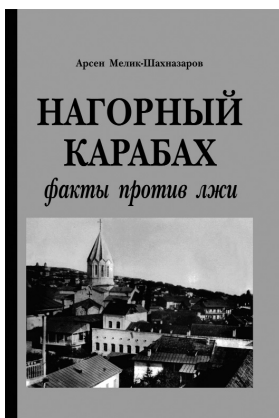
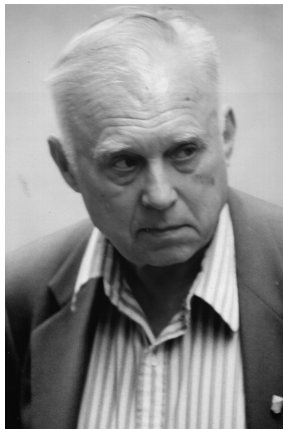
ПОСЕВ

№ 5 (1580) май 2009 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

КОЛОНКА РЕДАКТОРА	2
СОБЫТИЯ, КОММЕНТАРИИ, ИНТЕРВЬЮ	
Вопросы из не столь далекого Зарубежья ...	3
В Совете НТС	5
Что сделал НТС в России за последние 20 лет	6
Столетие ОРИОР	7
Ростислав Полчанинов. Возвращение разведчества-скаутизма в Россию	8
Один день в Государственной Думе	10
Борис Слуцкий. Заметки о выборах	11
Начало общественной активности (1987–1988 гг.)	16
ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ	
Вадим Максимов. Озарения в бездне	21
Сергей Маркедонов. Армения и Турция	26
МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО	
Елена Тимофеева. «Стодويمовками глоток старье расстреливай!»	29
Константин Таратухин. Мятеж или восстание?	34
Антон Васильев. Слегка помогли... ..	37
Владимир Чичерюкин-Мейнгардт. По власовским местам Подмосковья ...	41
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ	
Григорий Амнуэль. Ещё раз о культуре, театре, кино, истории, людях и странах	44
Константин Никитин. Рыцарь Белого Воинства	46
КНИГИ И ЛЮДИ	
Валерий Сендеров. Война и мир Нагорного Карабаха	51

Главным событием последнего весеннего месяца в Российской Федерации, уже традиционно стали грандиозные и дорогостоящие торжества по поводу очередной годовщины 9 мая.

Заглянем в Российский государственный архив социально-политической истории / Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. (Ранее — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.) Фонд № 69. «Центральный штаб партизанского движения при Ставке верховного главнокомандования». 1942–1944. Опись № 1. 1979 г.

Первое, что видим, открыв опись, пожелтевший от времени лист с машинописным текстом: «Перечень сведений, не подлежащих выдаче исследователям по фонду № 69 (ЦШПД).

1. Сведения об изменнических и националистических формированиях.
2. Фамилии предателей.
3. Донесения об аморальных явлениях среди партизан (дезертирство, пьянство, грабежи мирного населения и т.д.)
4. Документы о расстрелах партизанами мирного населения (финского населения, семей предателей и т.д.)
5. Донесения об уничтожении партизанами госпиталей и санитарных поездов противника.
6. Сведения о случаях недоброжелательного отношения населения к партизанам.
7. Документы о распрях между командованием партизанских соединений и отрядов.
8. Обзор военного, политического и экономического положения зарубежных стран, составленные в ЦШПД.
9. Протоколы допросов и упоминание фамилий военнопленных.
10. Переписка с органами контрразведки о проверке людей.
11. Фамилии и псевдонимы агентурных разведчиков.
12. Переписка с Главным разведывательным управлением Генерального штаба и оперативные чекистские материалы.
13. Сведения о передаче документов шифром (упоминание слова "шифротелеграмма").
14. Крупномасштабные географические карты.
15. Места дислокации партизанских баз.
16. Статистические сведения о количестве партизанских отрядов и участников партизанского движения требуют уточнения по последним публикациям».

Да, вот именно так. Не публикации уточняются по архивам, а архивы по публикациям (т.е. по директивам). И вместе с тем, цензоры 30-летней давности были мягче нынешних. Они перечислили, что именно сделано недоступным для исследователей, и сам этот перечень есть свидетельство того, что приведённые в нём факты имели место быть.

С перечнем 1979 года отныне соседствует другой документ. Он на яркой белой бумаге, с текстом, нанесённым посредством принтера: «№№ дел, изъятых на секретное хранение 680–688, 691, 697, 698, 701, 702».

Соответствующие листы в описи заменены их ксерокопиями, где названия изъятых дел были при ксерокопировании закрыты. Современная цензура мало того, что изъяла то, что было доступно при Брежневе, она ещё и не даёт возможности знать, что именно изъято.

Ещё одна новость по теме — московский бизнесмен выкупил в Нижегородской области, в селе Ломакино родовой дом Андрея Власова, будущего генерала Красной армии, впоследствии председателя КОНР.

«В доме, где родился и рос Власов, будет музей, — сказал новый владелец, — здесь будут выставлены его фото, предметы домашнего обихода, награды».

Срочно собранный по этому поводу областной совет ветеранов составил коллективное письмо Президенту РФ с просьбой «не допустить оскорбления памяти павших в Великой Отечественной войне». Председатель совета сказал: «В начале года наш совет выступил с предложением присвоить Нижнему Новгороду звание "Город воинской славы", и открытие подобного музея может подорвать военно-героическую репутацию нашего славного города».

Вопросы из не столь далекого Зарубежья

В период между двумя мировыми войнами чешская Прага была одним из оплотов русской эмиграции. В 1945 году русская эмиграция в Чехии прекратила свое существование: кто-то уехал на Запад, кого-то арестовали и увезли в СССР, или он сам туда уехал, большинство же растворилось среди чешского населения и старалось быть незаметным. Тех людей давно уже нет, но живы их дети и внуки. Они создали в Праге культурно-просветительское общество «Русская традиция», которое издает журнал «Русское слово». Выражая интересы своих читателей, редактор журнала Марина Добышева обратилась к Б.С. Пушкиреву с вопросами про НТС и современную Россию, ответы на которые опубликованы в номере журнала за май этого года. Полагая, что материал может быть интересен и нашим читателям, мы приводим выдержки из интервью М. Добышевой с Б. Пушкиревым.

– Народно-Трудовой Союз (НТС) был учрежден патриотами России в 1930 году. Издательство «Посев» и НТС переехали в Москву. Какая задача Союза и его печатного органа была в эмиграции и появилась ли новая?

– С первых лет Союз видел перед собой две задачи; свержение коммунистического режима путем Национальной Революции и построение Новой России на основе национально-трудового солидаризма. В молодые годы многие придают преувеличенное значение собственным силам, и в 1972 году эти две задачи были сформулированы более реалистично, как участие в свержении режима, какими бы путями оно не произошло, и «участие в устройстве российского будущего на основах права, свободы и солидарности». Обе задачи требовали наличия в стране организации, отстройкой которой – медленно и с большим трудом – Союз занимался следующие 20 лет. Когда наступили события 20 августа 1991 года, группы Союза приняли в них участие не только в Москве, но и еще в 20 городах, от С.-Петербурга до Сахалина. А в сентябре 1993 года НТС был одним из очень немногих, кто публично в пресе выступил в поддержку президента Ельцина.

С решением первой задачи встал вопрос – в чем, конкретно, должно выразиться участие в строительстве Новой России? Многие хотели превратить НТС в политическую партию, но это была попытка с негодными средствами. Возможности участвовать в законодательном процессе тоже не было – это стало прерогативой узкого круга приближенных к власти специалистов. Шло много разговоров о содействии самоорганизации солидарного гражданского общества, но они так и остались разговорами. На деле же к нам пришло немало молодых историков, и мы сосредоточились на вопросе преемственности: России вредит советское наследие, ей надо развивать свое, российское. В 1997 году миссия Союза была в Уставе закреплена так: «представлять и развивать положительные ценности исторической России и 70-летнего сопротивления коммунизму в России и в эмиграции». Это формулировка весьма объемная. В нее входит диапазон идей от Михаила Сперанского до Георгия Гинса, и она же вошла в устав Содружества «Посев», появившегося в Москве в 1992 году в качестве филиала одноименного франкфуртского изда-

тельства и зарегистрированного как российское предприятие в 1999 г.

– Переход НТС из Зарубежья в Россию был связан с более эффективной деятельностью организации? Оправдалось ли это?

– Организация в Россию не «перешла», она в России складывалась, начиная с 1970-х годов и ранее. В 1987 году, когда вышли из заключения Сендеров и Евдокимов, она из подпольной стала превращаться в открытую. Постепенный перевод центральных органов в Россию в 1992–1995 гг. был лишь заключительным этапом. Управлять внутри-российской организацией дистанционно, из-за границы, было бы невозможно и попытки это делать были разрушительными. Оставаясь в эмиграции, организация потеряла бы свой смысл.

– Почему НТС не претендует на политическую деятельность?

– Во-первых, потому, что большая политика в России сегодня – это монополия Администрации Президента (АП). Во-вторых потому, что мы учли опыт попытки создать политическую партию в 1993–1996 гг. Мы не нашли ни достаточно масштабных личностей, ни достаточно масштабных средств. Если бы тогда попытка создать партию удалась, это был бы не НТС, а одна из полсотни мелких постсоветских партий, отличная от них только своей риторикой. И, наконец, самое главное: та идейная работа, которую мы ведем, имеет политический резонанс. К примеру, наши книги про генералов Маркова и Каппеля вдохновили одного из наших меценатов финансировать памятник первому в Сальске и перевоз останков второго из Харбина в Москву, а это явно политические акты. А политическое значение книги «Две России XX века» очевидно: она опровергает советские взгляды на Гражданскую войну, на красный и белый террор, на коллективизацию, на советский экономический рост, уточняет размеры трех наших демографических катастроф, описывает советскую экспансию в мире, о которой сейчас не принято вспоминать, затрагивает историю Церкви и историю эмиграции. Ничего подобного в других современных учебниках нет. Изданные нами материалы порой находят неожиданное применение – например, при постановке фильма «Адмирал». А это – тоже политическое влияние. Впрочем, никому из наших членов не

05/2009

возбранено заниматься политикой на уровне таких общественных движений, как, например, «Солидарность», и они этим занимаются.

– **«Россия и опыт Запада» – так называется ваша книга вышедшая в 1995 году. Помещенные в ней очерки предсказали оттепель, застой, перестройку. Каково место РФ в мире? Что такое РФ как государство? Кто ее союзники и соперники?**

– Беда в том, что современная Россия сама еще не осознала, кто она, и какой хочет стать. Что она, часть Западного мира или его противник? Член Большой восьмерки или союзник Кастро и Чавеса? Наследница царей или Сталина? Великая держава, обладающая 13% земной суши, или держава региональная, с 2% населения земли? Отчасти эти противоречия объективно обусловлены, потому прояснение сознания будет долгим.

– **Вы написали очерк о Ленине для «Черной книги имен, которым не место на карте России». Какой резонанс она вызвала? В прессе вы упомянули, что готовите «Белую книгу».**

– До появления книги «Две России», «Черная книга» была бестселлером «Посева» и продолжает продаваться вот уже пятый год, выдержав три издания. Ею пользуются организации, которые готовят акции по устранению советской символики. Полагаю, что политическому осадку от «Черной книги» еще предстоит выпасть. Интересно, что единственная ругательная рецензия на книгу появилась еще до ее выхода из печати.

Что касается «Белой книги имен, которых еще нет на карте России», то она, бесспорно, нужна. На «Черную книгу», над которой работало 17 авторов, мы получили весьма существенный грант из эмиграции, а на белую у нас пока средств нет. Хотя начало ей положено в указателе имен «Две России», где отмечены деятели антибольшевизмского сопротивления.

– **Дошел ли до школьников и студентов учебник истории «Две России XX века» над которым вы работали? Происходят ли сдвиги в сознании молодого поколения?**

– Как я уже сказал, книга продается бойко. И была очень хорошо встречена рядом историков и педагогов. Что касается учителей средней школы – той аудитории, на которую она, в первую очередь, нацелена, то у нас было несколько представлений специально для них, и мы планируем целый ряд дальнейших. «Внедрение» такой книги это, опять же, длительный процесс. В свое время в Америке я занимался городской планировкой и знаю, что от плана до его реализации – процесс, занимающий порой многие десятилетия, причем не из-за физических трудностей, а из-за барьеров в сознании. Главное, чтобы был четкий исходный документ.

– **В интервью радио вы сказали, что современная Россия отличается от СССР прежде всего тем, что поддерживает, а не преследует**

Церковь. Можно сказать, что православие вернулось в Россию и этим формируется новое моральное поколение?

– Возрождение Церкви в России – это, вероятно, самое замечательное явление в современном мире. Особенно на фоне западного безразличия и восточного фанатизма. Не желая злоупотреблять словом «чудо», выскажу предположение, что это мистический результат жертв трех поколений мучеников. Но масштабы этого явления – в чисто демографическом смысле – не надо преувеличивать, оно охватывает сравнительно небольшое ядро нации. И к тому же подвержено многим изъянам наподобие окружающего его общества: тут и культ начальства, и забвение идеалов Поместного Собора 1917 года, в частности, приходского самоуправления. Но Церковь бесспорно излучает моральный авторитет и влияет на общество, в частности на армию.

– **В девятом номере журнала «Посев» за 2001 год была опубликована статья «Обреченный временем» к 100-летию со дня рождения генерала Андрея Андреевича Власова. Современная оценка официальной России в отношении Власова и власовцев – предатели. Какова Ваша оценка?**

Корни власовского движения глубоко народные, и восходят, по меньшей мере, ко времени коллективизации, когда остро обозначилось отчуждение народа от власти и многие крестьяне заявляли, что за такую власть воевать не будут. Эти настроения усугубил тот хаос, который возник на фронте осенью 1941 года из-за неготовности Сталина к обороне. Многим тогда казалось, что с помощью врага внешнего можно будет свергнуть врага внутреннего. Увы, внешний враг о свержении Сталина не помышлял, а помышлял об уничтожении России – любой России – и загубил зимой 1941/42 гг. более трех миллионов своих потенциальных союзников в лагерях для военнопленных. Все же летом 1942 года, когда Власов попал в плен и подал немцам свою докладную записку, шанс у него еще был. Но Гитлер ему уступал крайне скупно, и только под давлением побед Красной Армии. Серьезные уступки последовали в ноябре 1944-го и в январе 1945-го – под занавес Третьего Рейха. Хотя и в этот поздний час дело Власова вызвало взрыв радужных надежд среди множества советских граждан, находившихся в Германии. Но поскольку немецкие уступки Власову зависели от советских побед, дело его стало обреченным. Все же он и его соратники отстаивали это дело и в безнадежных условиях, что требовало бескорыстия и мужества. Это мужество они сохранили до самой казни – Сталин не решился показать их на открытом процессе. Четыре десятилетия спустя идеи Власова в России восторжествовали. Когда в 1991 году коммунисты называли сторонников Ельцина власовцами, они были, по существу, правы: только большинство этих сторонников стеснялось себе в этом признаться. В том, что

в 1942 году эти идеи можно было высказать, только находясь в стане врага, – была трагедия и самого Власова, и его последователей, и всей страны.

– *Декларация «Пора избрать путь», написанная Вами 31 августа 2003 года определила, что после завершения коммунистического эксперимента Россия так и не определилась в своем историческом пути. Как представляется будущее России сегодня?*

Обращение «Пора избрать путь» было написано не нами, а комитетом «Преемственность и возрождение России», хотя многие члены НТС, включая меня, под ним подписались. Идеи в нем выражены правильные, но политическая конъюнктура для их осуществления – не благоприятна. Например, люстрации. Они были актуальны в 1992/93 годах, когда многие видные деятели КПСС препятствовали реформам. Теперь, через 18 лет, эти деятели давно сошли со сцены и у власти иное поколение, за дела советской власти не ответственное, хотя порой ею и выращенное. Или реституция собственности. Она удалась в Восточной Европе, где с момента конфи-

скации собственности прошло четыре десятилетия и люди помнили, что кому принадлежало. У нас же прошло уже 90 лет, и земельная карта была так основательно перекроена, что очень трудно себе представить, что и кому можно возвращать. Мы издали книжку про реституцию собственности. В отличие от «Черной книги имен», она не вызвала интереса на рынке, помимо небольшого числа потомков бывших владельцев. Так что исправление имен остается наиболее перспективным. Впрочем, дело, конечно, не в названиях улиц, а в том остаточном советском менталитете, который владеет определенными кругами чиновничества и мешает многому – например, проводить честные выборы или принимать справедливые судебные решения.

Тем не менее, я убежден, что та эпоха фатального невезения, которая началась в России в 1904 году, или даже ранее, на Ходынском поле, теперь безвозвратно ушла в прошлое, и страна находится на подъеме. С неизбежными срывами, со множеством опасностей впереди (перечисляя которые я не буду оригинален), но на подъеме.

В Совете НТС

В Москве 25–26 апреля 2009 состоялось очередное собрание Совета НТС. В нем приняли участие 12 человек: Батенев И.С., Гагкуев Р.Г., Долинин В.Э., Иванов С.П., Кузнецова О.А., Рар Д.Г., Пушкарев Б.С., Редлих А.Р., Сендеров В.А., Цветков В.Ж., Цурганов Ю.С., Шведов А.Н.

Отсутствовали: Амосов Ю.К. (приостановил членство в Совете), о. В. Магдин (в связи с пасхальными службами передал свой голос по доверенности), Славинский М.В. (по состоянию здоровья).

В результате довыборов в Совет НТС председатель Союза А.Н. Шведов представил вновь избранных членов Совета НТС с вручением им устава Союза.

Совет заслушал доклад председателя Исполнительного Бюро Совета Союза В.А. Сендерова о работе Исполнительного Бюро по подготовке форума Союза, работе с Союзными группами и организациями Союзных печатных и электронных СМИ.

Совет постановил продолжать систематизировать и синхронизировать Союзные электронные СМИ, обновить сайт «Посева». Рекомендовать членам Союза дать свои предложения по работе с сайтами, связанными с Союзом (адреса сайтов приводятся отдельно).

Совет рассмотрел и принял документ «Что сделал НТС в России за последние 20 лет» (публикуется отдельно).

Совет заслушал сообщения Б.С. Пушкарева и А.Р. Редлиха о финансах Союза и определил необходимость покрытия дефицита бюджета Союза в 2009 году, вызванного потерей доходов от сдачи в аренду Союзной Московской недвижимости, за счет доходов Франкфуртского общества «Посев» или резервного фонда Союза.

Совет обсудил проблемы взаимоотношений между Франкфуртским и Российским обществами «Посев», определил меры, необходимые для их нормализации и уполномочил члена Совета О.А. Кузнецову провести соответствующие переговоры с представителями Франкфуртского «Посева» в мае 2009 года.

Совет заслушал сообщения О.А. Кузнецовой, Б.С. Пушкарева, В.Ж. Цветкова о планах по работе издательства «Посев» и активизации работы членов Союза в части пропаганды и распространения союзных изданий. При этом, Совет отметил необходимость изыскания дополнительных средств для поездок по регионам с представлением учебника «Две России» и других изданий Союза в целях активизации Союзных групп и расширения поля друзей Союза.

Совет одобрил инициативу старейшего члена Союза Р.В. Полчанинова об организации единого Зарубежного отдела НТС, утвердил решения о его создании, об избрании Председателем Зарубежного отдела НТС Д.Г. Рара, об избрании Правления и Суда Совести и Чести Зарубежного отдела НТС.

Совет заслушал информацию Б.С. Пушкарева о работе по установлению памятника погибшим членам Союза. При этом, Совет отметил, что пожертвования членов Союза на памятник использованы на создание элементов памятника (вырезка камней, мозаичная икона). Совет определил необходимость уточнение списка имен для памятника, привлечение зарубежных членов Союза и друзей в РПЦЗ для получения разрешения Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на установку па-

мятника в ограде Храма Святого Владимира, что в Старых садах.

Совет заслушал отчет Б.С. Пушкарева о работе по учету кадров Союза и принял решение продолжить данную работу.

Совет заслушал сообщение А.Н. Шведова о возможных вариантах изменений Устава Союза и о будущем Руководящего Круга, высказанных членами Союза (подробная информация публикуется отдельно). Совет принял решение продолжить обсуждение вариантов будущего Устава. При этом Совет подтвердил ранее принятое решение о порядке подсчета голосов на выборах в Совет исходя из числа проголосовавших членов РК при условии, что в выборах приняло участие более половины членов РК. Совет 12-ю голосами за при одном воздержавшемся внес соответствующее изменение в параграф 32 Устава НТС. Также Совет 11-ю голо-

сами за при 2-х против внес изменение в параграф 9 Положения о выборах в Совет исключив из него фразу о том, что количество голосов, поданных за избранных членов Совета не указывается.

Совет рассмотрел вопрос о довыборах в РК НТС и принял решение об избрании в РК следующих членов Союза: С.И. Алампиев (Украина), А.А. Бехтеев (Бразилия), С.В. Рар (Германия), И.И. Руденко-Миних (Украина), Н.Н. Рутченко (Франция), Ю.А. Рыбаков (Санкт-Петербург).

Совет поручил ВССиЧ в течение мая 2009 г. рассмотреть вопрос об ответственности приостановившего членство в Совете НТС Ю.К. Амосова за причинение материального ущерба Союзу и представить свое решение на утверждение Совету в порядке опроса членов Совета.

Начало и завершение работы Совета традиционно сопровождалось молитвой.

Что сделал НТС в России за последние 20 лет

7 октября 1988 г. на стадионе Локомотив в Ленинграде НТС впервые на подвластной коммунистам территории поднял российский трехцветный флаг. Быстро распространившись по другим городам как символ демократических сил, он 22 августа 1991 стал государственным флагом.

В ночь с 19 на 20 августа 1991 года НТС в Москве 30-тысячным тиражом отпечатал листовку «Бороться за законную власть!». Эта листовка, призывавшая поддержать всенародно избранного Президента Ельцина стихийно распространялась на улицах столицы в дни путча ГКЧП. В 20 других городах, от С.-Петербурга до Южно-Сахалинска прошли демонстрации с участием НТС.

В сентябре 1993 года НТС был среди немногих, публично выступивших в прессе за роспуск прокоммунистического Верховного Совета и за принятие новой Конституции.

В 1994 году НТС первым начал готовить выдвижение в президенты А.И. Лебеда и предоставил помещение его штабу. Генерал А.И. Лебедь представлялся в тот момент единственным лидером, способным обеспечить социальную и патриотическую направленность необходимых либеральных реформ. Позже ряд членов НТС работал в партии Лебеда «Честь и Родина».

Стремясь к формированию солидарного гражданского общества, НТС проводил многочисленные конференции и участвовал в создании многих организаций, как например ныне действующие Солженищинское общество в С.-Петербурге и Клуб Галича в Новосибирске.

В результате изменившейся обстановки в стране политическое влияние НТС в последующие годы стало не прямым, а опосредованным, через книги издаваемые под маркой «Посев». Всего за 1992–2008 годы «Посев» в Москве выпустил 73 книги общим объемом в 20 200 страниц; также 174

номера журнала «Посев» и, до конца 1996 г. – 20 номеров литературного журнала «Грани», который с тех пор издается членом НТС Т.А. Жилкиной, выпустившей по 2009 год 50 номеров. Наши издания породили целый ряд заметных общественно-политических явлений:

а. Альманах «Белая Гвардия» был с 1997 г. первопроходцем темы Белого движения, которая сегодня стала широко признанной. Например, при подготовке фильма «Адмирал» о Колчаке использовались наши тексты и иллюстрации (Фотоальбом «Белая Россия», 2003). За нами «белую» тему подхватили издательства Айрис, Аграф, АСТ, Дрофа, Русский Путь, Русич, Центрполиграф...

б. Под влиянием наших изданий в 2003 году был открыт памятник ген. С.Л. Маркову в Сальске, близ места его гибели, оплаченный российским предпринимателем А.Н. Алекаевым. Это – первый в России памятник белому генералу.

в. Первый в России памятник жертвам голодомора 1932/33 гг. в виде часовни Рождества Пресвятой Богородицы в станице Новодеревянкинская на Кубани был поставлен стараниями члена НТС Г.В. Кокунько, с привлечением сторонних средств. Однако инициатива эта не была подхвачена и вскоре темой стали злоупотреблять украинские националисты.

г. В серии «Белые войны» мы выпустили книгу «Капель и каппелевцы», которая вызвала акцию по нахождению останков генерала в Китае и их перезахоронение на Донском кладбище в Москве.

д. «Черная книга имен, которым не место на карте России» (2005) не просто стала нашим «бестселлером» (продано около 7 тыс. экз.), но повлекла за собой образование «Проекта Возвращение» который, в свою очередь, получив поддержку в партиях ЛДПР и «Единая Россия», готовит мас-

штабную акцию по упразднению коммунистической символики.

е. За изданием нами работ по Ярославскому, Тамбовскому, Ижевско-Воткинскому восстаниям и подобным событиям Гражданской войны следовали конференции на местах и образование местных посвященных этим событиям объединений, которые еще предстоит увязать в единую сеть.

ж. «Две России XX века 1917–1993» (2008) – учебник, который впервые параллельно показывает историю советской власти и антисоветского сопротивления. Это – плод семилетней работы, в которой в разной мере участвовало более полутора десятков членов НТС. Он начинает приобретать из-

вестность в университетских и общественных кругах и обещает стать поворотным пунктом в осмыслении нашей истории прошедшего века, в избавлении от трафаретов советского времени.

При всей своей малочисленности, НТС добился этих результатов в силу своей истории, благодаря тому, что он, как единственная организация, основанная в Зарубежье, но привившаяся в России, воплощает в себе преемственность нынешней России от России дореволюционной и Белого движения. Россия дала организации новую жизнь в формах, соответствующих современным условиям.

СОВЕТ НТС
г. Москва. 25 апреля 2009 г.

Столетие ОРЮР

1909–2009

ОРЮР – Организация российских юных разведчиков – старейшая детско-юношеская организация России. Она берет свое начало от первого звена юных разведчиков, основанного в 1909 г. в Павловске О.И. Пантюховым. В 1923 г. движение юных разведчиков в советской России было запрещено, и руководители, не пожелавшие сотрудничать с комсомолом, были репрессированы. Однако благодаря русским эмигрантам в разных странах мира Организация сохранилась и в 1990 г. смогла вернуться в Россию.

В 2009 г. по случаю столетнего юбилея ОРЮР будет праздноваться 100-летие всего детского движения России.

Цель ОРЮР – воспитание духовно и физически здоровой личности, способной успешно действовать в современном мире. В достижении этой цели Организация основывается на христианском миропонимании и приверженности к историческим ценностям русской культуры.

Сегодня ОРЮР – общероссийская организация. В различных регионах России действуют более 150 ее отрядов, объединяющих около 2 тысяч детей и молодых людей. Кроме того, ОРЮР продолжает действовать как в ближнем, так и в дальнем зарубежье (Литва, Киргизия, Украина, Германия, Франция, США, Венесуэла, Австралия и др.), помогая русским людям в этих странах сохранять русский язык и культуру.

Особенность ОРЮР – непрерывная преемственность от дореволюционных юных разведчиков, уникальные методики, выработанные столетним опытом и приоритет духовно-нравственного воспитания во всей педагогической работе.

Духовное воспитание в ОРЮР осуществляется через воцерковление в лоне Русской Православной Церкви. Дети из религиозных семей, найдя захватывающую деятельность в самой Церкви, перестают делить мир на «скучный христианский» и «увлекательный нехристианский» и решают остаться

в православной среде, а дети, выросшие в нецерковной среде, занимаясь вместе с остальными ребятами, органично воспринимают христианство, делая его частью своей жизни. При этом Организация открыта представителям других вероисповеданий, если они готовы с уважением относиться к православному христианству и изучать его как основу русской культуры.

Деятельность ОРЮР благословил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

ОРЮР – это педагогически активная среда, определенный стиль отношений и атмосфера, в которых постоянно развиваются характер (прежде всего чувство ответственности), кругозор и умения ребенка.

Научная основа педагогики ОРЮР – это труды В.С. Преображенского (впоследствии епископа Василия Кинешемского, прославленного Русской Православной Церковью в лике святых), профессора М.В. Агапова-Таганского (называемого «основоположником внешкольной педагогики», основателя Белградского психометрического института) и других выдающихся деятелей разведческого движения, таких как И.А. Гарднер, А.М. Шатерник, И.С. Светов, Б.Б. Мартино.

В ОРЮР регулярно проводятся: детские лагеря и походы разного уровня (более 200 ежегодно, летом – палаточные);

регулярные занятия и выходы на природу в течение всего года;

специализированные обучающие курсы и семинары для педагогов и молодежных руководителей; социально значимые начинания, в т.ч. в рамках Национального проекта «Образование».

Организация издает газету «Скаутский мир», журналы «Скаут-разведчик» и «Православный вестник» (электронная версия – Prav-vest.ru), содержит центральный сайт скаутов-разведчиков России Scouts.ru. Большая часть скаутов России пользуются методиками и пособиями ОРЮР.

05/2009

Российская часть ОРЮОР является самоуправляемой и независимой, не финансируется из-за рубежа. Организация принимает активное участие в государственных конкурсах, входит в Национальный совет детских и молодежных объединений России.

Поскольку ОРЮОР – это общественная организация, все находятся в ней до тех пор, пока сами того хотят и продвигаются в работе настолько, насколько прилагают свои силы, в свободное от учебы и работы время, не получая взамен материальных благ, а наоборот, вкладываясь сами: материально, морально и физически. А взамен мы получаем радость творчества и друзей на всю жизнь.

ОРЮОР – это сообщество друзей и единомышленников, которое много дает детям, и было бы замечательно, если бы больше ребят в сегодняшней России соприкоснулись с нашим идеалами: любовью к Богу, России и ближним.

Торжественное обещание, даваемое при вступлении в ОРЮОР

«Честным словом обещаю, что буду исполнять свой долг перед Богом и Родиной, помогать ближним и жить по законам разведчиков».

Законы юных разведчиков

1. Разведчик верен Богу, предан Родине, родителям и начальникам.
2. Разведчик честен и правдив.
3. Разведчик помогает ближним.
4. Разведчик друг всем и брат всякому другому разведчику.
5. Разведчик исполняет приказания родителей и начальников.
6. Разведчик вежлив и услужлив.
7. Разведчик друг животных и всей природы.
8. Разведчик бережлив и уважает чужую собственность.
9. Разведчик чист в мыслях, словах и делах, телом и душой.

10. Разведчик трудолюбив и настойчив.
11. Разведчик весел и никогда не падает духом.
12. Разведчик скромнен.

Девиз ОРЮОР: «Будь готов!» **Ответ:** «Всегда готов! За Россию!»

Центр связи ОРЮОР

Адрес: 111024, Москва, ул. Душинская, д. 7, к. 249
Телефон: (495) 788-44-88, доб. 2428
Факс: (495) 956-47-05 («для ОРЮОР»)
Эл. почта: orur@rosinter.ru
Интернет: Scouts.ru, Prav-vest.ru

Прошедшие и предстоящие события, посвященные 100-летию российского разведчества

4 апреля – Пантюховские чтения – встреча памяти Старшего русского скаута О.И. Пантюхова, посвященная истории и педагогике ОРЮОР; г. Москва, Московский городской дворец детского (юношеского) творчества; Музей истории ОРЮОР им. В.А. Попова совместно с Музеем истории детского движения при МГДЮДТ; 87river@mail.ru

30 апреля – Юбилейный праздничный парад детских и молодежных организаций России в День основания российского разведчества; Павловский парк, г. Павловск, Ленинградская обл.; ОРЮОР при поддержке Национального комитета по празднованию 100-летия детского движения России; orur2009@mail.ru

30 апреля–2 мая – Международная научно-практическая конференция «Детское движение Русского Мира»; г. Санкт-Петербург; Национальный комитет по празднованию 100-летия детского движения России при поддержке Правительства РФ; asp-05@mail.ru

26 июля–2 августа – Юбилейный слет ОРЮОР «100 звеньев»; берег Ладожского озера, Приозерский р-н, Ленинградская обл.; ОРЮОР при поддержке Правительства РФ; orur2009@mail.ru

Пресс-секретарь ОРЮОР Григорий Казаков

Ростислав Полчанинов

Возвращение разведчества-скаутизма в Россию

В связи с перестройкой в «Комсомольской правде» от 6 декабря 1988 г. была напечатана статья «Мы соскучились по разнообразию», в которой говорилось о возрождении скаутизма в Советской Литве. Я предложил Старшему скаутмастеру составить обращение от ОРЮОР для отправки его в Советскую Россию тем, кого бы оно могло заинтересовать, но Старший скаутмастер высказался против. Тогда я, будучи начальником Разведческого Пресс-бюро выпустил 15 марта 1989 г. очередной номер – «Разведческого Пресс-бюро. Издание Главной квартиры ОРЮОР»

о 80-летию ОРЮОР, якобы как «Сообщение для печати» но с соответствующим для посылки в СССР содержанием и начал посылать его по разным адресам, с моим обратным адресом. Этот номер был послан литовским скаутам, которые прислали через меня свое поздравление русским скаутам с юбилеем. Это приветствие было прочитано на юбилейном слёте в Новом Павловске (место скаутских лагерей у водохранилища Сакандага на севере штата Нью-Йорк, США) и напечатано в «Вестнике руководителя».

Один экземпляр «Разведческого Пресс-бюро» от 15 марта 1989 г., посланный директору одного из НИИ проф. В.В. Аристову в подмосковный академгородок Черноголовку, по адресу, полученному от

* Отрывок из книги «Молодёжь Русского Зарубежья. Воспоминания», выходящей в этом году в издательстве «Посев».

Г. Лукьянова попал в хорошие руки. В.В. Аристов решил начать в Черноголовке разведческую работу, и я ему послал несколько пакетов литературы. На слёте в Новом Павловске Г. Лукьянов, Л. Гижицкий и я предложили создать в Секторе внутренней работы Главной квартиры ОРЮР отдел «Лицом к России», что и было утверждено в приказе Старшего скаутмастера от 26 декабря 1989 г.

В начале 1990 г. в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк, США) было напечатано обращение Ю. Изюмова помочь устройству в России, организованной обществом «Родина», Историко-культурным центром «Российское Зарубежье» и Культурным центром «На Таганке», выставки «Эмиграция: история и современность». Я откликнулся, послав для этой выставки 659 экспонатов. Выставка проходила в Москве с 25 по 27 мая в рамках фестиваля «Русская Америка». Моя дочь Людмила Селинская поехала на этот фестиваль и выставила около 250 фотографий, плакатов и листовок, главным образом разведческих. Участие ОРЮР на выставке «Русская Америка» было первым публичным выступлением скаутов-разведчиков в России после 19 мая 1922 г., когда была создана пионерская организация и скауты были вынуждены уйти в подполье.

В июне 1990 г. состоялось организованное А. Захарьиным паломничество в Россию и встреча в Черноголовке с первой группой ОРЮР в России.

С 11 по 29 августа 1990 г. в деревне Горелец, Костромской области, под руководством члена НТС и руководителя ОРЮР Юрия Васильевича Лукьянова был проведен первый лагерь ОРЮР в России. Группу ОРЮР из Черноголовки в этом лагере возглавлял Юрий Свободный. Ему, в знак преемственности, Ю. Лукьянов передал знамя зарубежного отряда св. кн. Александра Невского. Фотография Ю. Лукьянова и Ю. Свободного была помещена в статье «Сохранив любовь к России» в «Литературной газете» от 31 августа. В лагере в Горельце был поднят тогда еще редкий в России трехцветный флаг. Лагерь прошел с небывалым подъёмом. Л. Селинская и Ю. Лукьянов разучили с ребятами песню на слова Б.Б. Мартино:

Давно еще в Павловском парке

Ребята в разведку пошли,

Костер разожгли они яркий

Разведчиков русской земли.

И в годы борьбы и лишений

Он в юных сердцах запылал

Террор всех советских гонений

Разведчиков дух не сломал.

Костер погасили страданья

Залила расстрелянных кровь

Но русский разведчик в изгнание

Повсюду зажег его вновь.

И вот в нищете и в неволе

Где часто унынье царит

В лесах, на горах и на поле

Костер за Россию горит.

Его берегли как святыню

Хранили под каждым дождем

Когда мы вернемся в Россию

Костры по России зажжем.

И тут же, экспромтом, к песне был добавлен последний куплет:

И годы прошли, мы вернулись,

Костры по России зажгли

Знамена опять развернулись

Разведчиков русской земли.

Конечно, трехцветный флаг над лагерем советской молодежи не мог понравиться местным партиям. На следующий день после закрытия лагеря в газете «Красное знамя», издававшейся в селе Парфеньеве, появилась статья К. Волковой «Незаятых позиций не бывает», в которой автор с возмущением спрашивала читателей, что «ведь не до такой же степени сменилась наша идеология и политика в последние годы, чтобы встречать белоэмигрантов хлебом-солью?».

В «Комсомольской правде» от 2 сентября 1990 г. появилось интервью Б. Минаева с Вячеславом Черных под названием «На зорьке пионерской шел скаутский отряд». В этом интервью В. Черных был назван координатором группы «Возрождения российского скаутинга» и была упомянута «крошечная заметка об учредительном съезде российских скаутов, напечатанная ранее в «Комсомолке».

В. Черных, получив мой адрес от латышских скаутов обратился ко мне с просьбой прислать скаутские материалы на русском языке. Его особенно интересовала история российского разведчества-скаутизма и я ему послал, выпущенный 15 февраля 1990 г. листок «Страницы истории» Но.10 с кратким перечнем событий из истории зарубежных и русских молодежных движений начиная с 1909 г. по 1979 г.

В. Черных прислал мне приглашение участвовать на учредительном съезде. Вместо меня на съезд поехала моя дочь Людмила Селинская, которая пригласила поехать с ней и Олега Олеговича, сына основателя российского разведчества Олега Ивановича Пантюхова. К ним присоединился также и бывавший уже в Советском Союзе А. Захарьин.

Против участия ОРЮР на учредительном съезде возражал Г. Скворцов, помощник депутата Верховного Совета СССР по делам молодежи Светланы Ботраченко. Съезд состоялся в Москве с 15 по 17 ноября 1990 г. На съезд были приглашены представители ВОСД – Всемирной Организации Скаутского Движения, которые прибыли в Москву за несколько дней до начала и вели переговоры на государственном уровне о создании Союза советских скаутов. Представители ВОСД хотели распространить на советскую молодежь свое влияние и свою идеологию, и потому с самого начала враждебно отнеслись к ОРЮР, у которой была своя идеология, вызревшая за 70 лет работы в Зарубежье. Сегодня в России есть разные организации, но только ОРЮР считает себя преемницей организации, основанной О.И. Пантюховым в 1909 г. в России и возглавлявшейся им же в Зарубежье.

Один день в Государственной Думе

Автору этих строк довелось 24 апреля сего года по служебной надобности провести полный рабочий день в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. И не просто в Думе, а непосредственно в зале пленарных заседаний, дожидаясь рассмотрения интересующего вопроса. Услышанное и увиденное за одно пленарное заседание произвело неизгладимое впечатление на автора, требующее поделиться с окружающими.

Как известно, на пленарных заседаниях Государственной Думы уже давно ничего не решается. Все вопросы заранее обсуждены на партийных фракциях, постановлено как по ним голосовать и кому по ним выступать. Пленарное заседание – все лишь оформление сложившихся решений. Связано это с тем, что две трети членов Думы относятся к одной фракции – «Единая Россия», и с точки зрения принятия решений достаточно решения этой фракции.

Однако, помимо «ЕР» существуют еще 3 фракции, которые хоть и не могут повлиять на решения Думы, но могут, по крайней мере, заявлять о своих позициях с думской трибуны и задавать вопросы в рамках времени, определенного думским регламентом. Фракции активно этим правом пользуются, так, как для них это по сути единственная возможность политически позиционироваться.

Итак, в этот день одним из первых вопросов повестки дня был вопрос о внесении изменений в регламент Государственной Думы. Автор не помнит деталей вносимых изменений, но суть их состояла в том, чтобы в процессе работы над законами в Думе расширить какие-то права Правительства и сократить какие-то права депутатов. Потрясающая сама по себе постановка вопроса, внесенного самими депутатами, естественно от «Единой России». Вряд ли можно найти аналоги подобного мазохизма в европейской практике парламентаризма, когда парламент сам стремится к сокращению собственных полномочий и расширению полномочий исполнительной власти, которую он должен контролировать.

Представитель «ЕР» высказался по данному вопросу вполне определенно и после него началась собственно политическая полемика. Справедливо-россцев в ней замечено не было, активизм проявили коммунисты и ЛДПР.

Из среды КПРФ в бой ринулся авторитетный в той среде депутат С.Н. Решульский. С красноречием, вполне достойным, скажем П.Н. Милокова, он стал доказывать преимущество «буржуазного» парламентаризма перед той псевдопарламентской системой, которая сложилась в нашей стране, объясняя депутатам всю важность системы сдержек и противовесов и необходимость контролировать исполнительную власть парламентом, а не наоборот. Вспомнил депутат и о правах человека, которые массово нарушаются в результате неподконтрольности власти обществу. Словом, если перело-

жить услышанное автором на середину 90-х годов, можно было подумать, что слышишь с трибуны еще молодого Сергея Ковалева.

Депутату от КПРФ незамедлил дать отпор сам Владимир Вольфович. Отпор был несколько странным по своей структуре, поскольку согласившись с С.Н. Решульским по существу позиции, В.В. Жириновский обрушил собственное красноречие на КПРФ. Назвав КПРФ наследницей преступной партии КПСС, уничтожившей зачатки российского парламентаризма в 1917 году, Владимир Вольфович заявил о необходимости вести преемственность российского законодательства от Свода Законов Российской империи, а также усомнился в святом для каждого коммуниста понятии советской власти.

«Совет – это представительный орган» – сказал он. «Не может быть советской власти, как не может быть госдумовской власти.». Сын отца-основателя ЛДПР, доктор исторических наук и кандидат социологических наук депутат Игорь Лебедев дополнил папашу тирадой о том, что раньше ЛДПР думала, что надо сносить только мавзолей, а теперь после ряда взрывов памятников вождю пролетариата, считает, что сносить нужно все памятники ему, поскольку своей повышенной взрывоопасностью они представляют угрозу безопасности граждан.

На этом обмен мнениями завершился, изменения в регламент были проголосованы и приняты большинством голосов, против проголосовали КПРФ и ЛДПР. Справедливой России в зале по-прежнему не ощущалось.

Потом были рассмотрены разные другие вопросы и по некоторым из них вновь выступали коммунисты, защищая принципы западной демократии и прав человека, и представители ЛДПР с идеями преемственности от исторической России и антикоммунистической риторикой.

Ощущение происходящего у автора статьи сильно напоминало ощущения, испытанные Алисой в Зазеркалье, при этом почему-то свербила подлая мысль: не перепутал ли автор Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации с палатой № 6 (Дума по Конституции тоже Палата, правда по номеру эта Дума будет пятая, если конечно не считать ее преемницей от Государственных Дум, действовавших с 1906 года).

Такие мысли не могут не прийти в голову, когда ценности демократии отстаивают коммунисты, уничтожившие ее, а идеи преемственности проводит партия, чье кgb-шное происхождение особо никем не скрывается (достаточно вспомнить что первый свой учредительный съезд ЛДПР провела в 1990 году в Кремлевском дворце съездов).

Партия большинства на описанной картинке выглядела унылым серым болотом, не имеющим внятных политических аргументов и ярких ораторов, и представлялась защитником авторитарного

направления, имея в своих мотивах явный страх перед обществом.

Думается автору, что такая ситуация перевернутости политического поля с ног на голову вызвана тем, что власть за последние 10 лет сознательно ее моделировала и создавала. Когда в публичных властных

институтах не представлены другие, несконпрометированные общественные группы, которые безусловно есть и в нашем больном обществе, разумные и правильные идеи представляют партии с порочной репутацией. Будет ли после этого доверие к самим идеям?

Автор

Борис Слуцкий

Заметки о выборах

Сразу оговорюсь, дабы не быть неправильно понятым читателями. Антисемитом я не являюсь, а, даже наоборот, являюсь евреем и, страшно подумать, израильтянином. Впрочем, не в пример многим моим соплеменникам, к антисемитизму отношусь спокойно, как к неизбежному, но забавному злу. Абсолютно не претендую на то, чтобы меня лично, либо нас как национальную общность, некто, мне совершенно незнакомый, должен обязательно любить. Тем более, чтобы таких «некто» набиралось по миру много. Да и вообще, прожив уже довольно долго, я что-то не заметил, чтобы в мире кто-то кого-то особенно жаловал. Когда родители любят своих детей, а те отвечают им взаимностью, а еще и сами родители любят друг друга, а еще и своих друзей, которые, в свою очередь любят родителей, то на мой не слишком взыскательный вкус, и этого предостаточно. Не ненавидели бы, уже хорошо. Более того, в тех странах, где антисемитизм преодолен, – попадают и такие государственные образования, – качество самих евреев очевидно снижается. Но это я так, к слову. Да и тот медицинский факт, что я еврей, мне мало, о чем говорит. Я и вообще про национальности не слишком понимаю. До сих пор путаю, кто калмык, кто украинец, а кто, не про нас сказать, американец либо грузин. Не стоит меня также обвинять и в не любви к Израилю. Вполне, надо сказать, мне симпатичная страна и даже по-своему любимая. Ежели, конечно, страну вообще можно любить. Не женщина, в конце концов.

А теперь о выборах. На своем веку я их повидал огромное множество в разных странах мира. Даже поучаствовал в них в различных качествах. Журналиста, пиарщика, аналитика, редактора сайта, составителя программ кандидатов, наблюдателя, наконец. Подобное, в общем-то, нехитрое дело – почитал программы кандидатов, остановился на наиболее для тебя приемлемой, пришел на избирательный участок, взял нужную бумажку и опустил ее в урну для голосования, вот, собственно говоря, и вся наука, вызывает столь повышенный ажиотаж. Дальнейшее же от тебя уже никак не зависит, конечно, если ты не имеешь отношения к подсчетам этих самых бумажек, называемых высокопарно бюллетенями для голосования. Вообще, все, что касается выборов, получает некую особую, торжественную лексику. Например, народное волеизъявление.

Что это такое, полагаю, не знает никто. Зато звучит красиво. Или предвыборный марафон. Почему, например, не стипль-чез. Ведь бег претендентов к заветным креслам получается, почти повсеместно, с серьезными препятствиями. Вероятно, марафон звучит солиднее. Можно соотнестись с всемирной историей, что, должно быть, греет душу. Особенно, почему-то любят называть выборы судьбоносными. Возможно, чью-то судьбу они и действительно могут поменять, но для абсолютного большинства избирателей особых перемен после голосования не происходит. И это вполне объяснимо. В тех странах, где от голоса выборщика нечто зависит, как норма, смена находящегося у руля крайне мало меняет государственный курс. Там же, где возможны, а, порой, необходимы глобальные перемены, обычно результаты выборов известны заранее. По крайней мере, особо лично заинтересованным в данных результатах гражданам. Такая вот задача, не имеющая практического решения. Правда, в большинстве стран она давно принята за аксиому, и желающие решить ее находятся в количестве, приближающемся к статистической погрешности, что еще более усложняет ее решение одним и упрощает получение нужного результата другим.

На момент, когда вы будете читать данную статью, уже будет известна правящая коалиция в Израиле и, соответственно, состав кабинета министров. Мне же все это не ведомо, ибо Биньямин Нетаниягу только приступил к переговорам с возможными партнерами, и сам процесс переговоров идет очень непросто. Не исключено, что ему, как и никому другому, в конечном итоге, попросту не удастся создать коалицию, хотя, это не очень вероятно. Близость министерских портфелей и возможность поручить всегда оказываются слишком серьезным соблазном для большинства политиков. Последние непременно найдут способ убедить себя, а затем и своего избирателя в том, что отказ от своих предвыборных идей, за которые и голосовали граждане, только пойдет на пользу этому самому избирателю, а в коалицию они стремятся исключительно для пользы народной. Понятно, что со скамей оппозиции помогать избирателю гораздо сложнее, да и энтузиазм не тот. Министр имярек звучит гораздо значительнее, чем тот же имярек, но простой депутат.

Меня отнюдь не удивляет практическая невозможность создания в Израиле правящей коалиции.

Странно бы было, кабы все происходило наоборот. Дело в том, что израильская политическая система неизлечимо больна, более того, она практически при смерти. Выборы же только констатируют случившуюся данность. И полезны они не только чисто техническим избранием народом себе начальников на определенный срок. В прямых, честных, чистых, демократических выборах имеется вполне очевидная выгода. Результаты прошедших выборов, которые вряд ли станут «судьбоносными», по крайней мере, мне бы этого очень не хотелось, в очередной раз отчетливо подтвердили те тенденции, которые в последние годы укоренились в израильском обществе. Никакими социологическими исследованиями и научными трудами их не заметить. Даже почти случайный либо от противного выбор, как и отказ поучаствовать во всенародном голосовании, это уже определенный поступок, который поддается оценке и фиксирует состояние общества на конкретном историческом отрезке. Болезнь же политической системы оказывается прямым следствием общественных недугов. При демократии базис и надстройка действительно являются сообщающимися сосудами.

Израиль на настоящий момент представляет собой классическую парламентскую демократию со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами. Основным ее плюсом, что парадоксально, оказывается перманентная слабость власти, что не представляет ей ни малейшей практической возможности перехода к авторитаризму либо, – тем более, – диктатуре. Но ровно это же оказывается и огромным минусом, практически парализующим столь симпатичный плюс. Самые видные и одаренные парламентарии, параллельно выступающие в роли лидеров партий, занимаются чем угодно, но только не законотворческой деятельностью. Само их появление в Кнессете, обычно, происходит лишь в дни основных голосований, например, по бюджету, когда важен каждый голос. И это не удивительно. В тот период, когда их партия находится в правящей коалиции, либо возглавляет ее, эти люди являются министрами правительства от первого и далее по списку. У них реально отсутствует минимальная возможность посещать парламент. Причем, чем слабее и аморфней коалиция, тем больше министров в израильском правительстве. Порой, доходит до анекдота. До трети депутатов Кнессета оказываются министрами либо их заместителями. А уж каких только министерств не придумывают! Например, некогда известный советский диссидент Натан Щаранский в свое время был министром по делам Иерусалима и Диаспоры. Это чуть дальше, чем бузина из приусадебного участка и родич из столицы незалежной Украины. Зато звучит возвышено. Или другой наш дважды соотечественник нынешний лидер партии Наш дом Израиль (НДИ) Авигдор Либерман в прошлую каденцию располагался в кресле министра стратегического планирования. В штате всего министерства, включая самого мини-

стра и уборщицу, состояло человек семь. Что он там стратегически напланировал, судить не берусь. Но фракцию свою в нынешнем Кнессете увеличил почти на треть. Не зря, получается, время провел. Расположившись же на скамьях оппозиции, известные политики также находят себе деятельность по вкусу. Они разными способами расшатывают существующую правящую коалицию и готовятся к очередным досрочным выборам. В Кнессете им особо делать нечего, ибо, не обладая парламентским большинством, они все равно не имеют возможности проводить разумные законы, которыми впоследствии смогут бравировать во время очередной предвыборной кампании. Даже ежели депутаты от коалиции целиком и полностью согласны с полезным законопроектом, они все равно, повинувшись коалиционной дисциплине, его отвергнут. Понятно, что когда десятки депутатов парламента, то есть, законодателей, служат по совместительству в правительстве, никакого реального разделения властей не происходит. Спасает только то, что штатные, профессиональные и опытные сотрудники реальных министерств, а не созданных на каденцию, дабы трудоустроить очередного интересанта в нуждах правящей партии, не слишком подчиняются собственным министрам. Их логика проста. Уволить их практически невозможно, так как профсоюз государственных служащих один из сильнейших и влиятельнейших профсоюзов в стране. Понимают они в своем деле нескончаемо больше, чем министры – партийные назначенцы, которые за свою политическую карьеру, порой, успевают порулить полтора десятками министерств. Например, во второй половине второй каденции Ариэля Шарона, нынешняя министр иностранных дел и лидер партии Кадима Ципи Ливни одновременно возглавляла около десятка министерств разного профиля. И ничего, справилась. Правда, закрадывалась гадкая мыслишка, а, вдруг у нас в Израиле вообще нет необходимости во всех этих министрах, которых она подменяла, а с ними и руководимых ими министерствах, раз всего одна дама с легкостью необычайной справляется со всеми их обязанностями. Но данная мыслишка быстро улетучивалась, так как при следующем правительстве министерств оказывалось еще больше. Если министерства создаются, значит это кому-нибудь нужно. И это притом, что в Израиле существует закон, ограничивающий количество членов правящего кабинета, естественно, каждый раз, преодолеваемый коалиционным большинством при первом же голосовании в Кнессете. Каденции же в Израиле, зачастую, бывают столь коротки, что министр, при всем своем желании, может попросту не успеть рассчитаться с неугодным ему чиновником, особенно, когда у него несколько министерств и он не успевает запомнить своих сотрудников даже в лицо.

Я неоднократно бывал по различным журналистским надобностям на всяческих совещаниях в различных министерствах и был свидетелем кар-

тины, когда служащий данного ведомства в не слишком корректной форме отказывал министру. На первых порах моей деятельности, это вызывало у меня определенное потрясение и уверенность, что упрямец будет тотчас же уволен. Ничуть не бывало. В следующий раз, уже при ином главе министерства, он преспокойно занимал свое место за столом президиума. Вот это и есть демократия на марше.

Понятно, что подобное положение вещей не может устраивать всех участников политического процесса. Перманентные всеобщие выборы, принципиальная невозможность проводить какие-либо реформы за слишком короткую каденцию не способствуют развитию государства и общества. Существуют силы, которые во главу угла своей политической деятельности ставят изменение парламентской формы правления на президентскую. Эту концепцию уже более десятилетия отстаивает лидер НДИ Авигдор Либерман. Более того, еще до него, в 1992 году на этом пути был сделан первый, довольно робкий, но все же вполне конкретный шаг, который привел в свое время к значительному потрясению всех основ политической системы страны. Уверен, что и сейчас, когда данный закон уже отменен, и выборы опять проходят только по партийным спискам, он продолжает влиять решающим образом на происходящие в стране события. Тогда же был принят закон, по которому в 1996, 1999, а затем еще и особо в 2001 году избирался премьер-министр прямым голосованием всего народа, а отдельно, по традиции, и партийные списки. Авторам данного закона казалось, что мандат от народа усилит властные полномочия главы кабинета, сделав его менее зависимым от мелких партий. Но в 1996 и в 1999 году победившие кандидаты Биньямин Нетаниягу и Эхуд Барак оказывались еще в большей степени заложниками собственных коалиций, ибо сами партии, которые они представляли, теряли значительное число мандатов по сравнению с предыдущими выборами, а правящие коалиции, естественно, оказывались еще более пестрыми и неуправляемыми. Избиратели голосовали за своего кандидата в премьеры на уровне личных симпатий и антипатий и за партийный список, сообразуясь со своими политическими убеждениями, что в израильской действительности оказалось явлениями отнюдь не тождественными. В 2001 году еще тогда не отмененный закон позволил Бараку провести прямые выборы премьер-министра, не распуская действующий Кнессет. Он проиграл те выборы Ариэлю Шарону, который, придя к власти, быстро отменил закон о прямых выборах главы правительства. Данный шаг помог возглавляемой им партии, тогда еще Ликуду, на следующих выборах в 2003 году набрать беспрецедентное за последние годы число мандатов. Но и это продолжалось не долго. Сам же Шарон расколол правящую партию, создав новое движение Кадима, которое после его внезапной болезни уже с новым лидером Эхудом Ольмертом, победило на выборах в 2006 году. Большинство

аналитиков сходилась на том, что за Ольмерта очень и очень многие голосовали не как за самостоятельного политического деятеля, а как за преемника Шарона, что и предопределило исход выборов. Народ еще надеялся, что Шарон поправится, и все будет, как и прежде. Я не слишком доверяю данной трактовке, мне она кажется слишком упрощенной. Сама же партия Кадима, существование которой к тем выборам насчитывало всего несколько месяцев, мало кого интересовала. Ни четкой идеологии, ни целей и задач, кроме борьбы за власть у нее попросту не проглядывалось. Жизнь показала, что для управления страной это совсем и не обязательно.

Да и, как оказалось в последствии, столь значительное число депутатов от Ликуда связано было отнюдь не с заново пробудившейся народной любовью к старейшей правой партии страны, а с личностью самого Шарона, на тот момент пользовавшегося огромной поддержкой у избирателей. Собственно говоря, именно с тех выборов из повестки дня окончательно ушла их идеологическая составляющая. Соревновались уже не партийные программы, которых практически не существовало, а фигуры лидеров партий. Со временем эта тенденция настолько усилилась, что на нынешних выборах о подобных мелочах как идеология, либо партийная программа уже и не упоминалось. Плохо продаваемый лидер автоматически делал партию явным аутсайдером. Причем, это наблюдение верно не только для самого процесса выборов, но для периода правления не слишком популярного кандидата. Так последняя каденция Эхуда Ольмерта, объективно прошедшая вполне удачно, – в стране наблюдалась наименьшая за последние десятилетия безработица, рос уровень жизни, было относительно мало террористических актов и прочее, и прочее, – вызвала предельно отрицательную реакцию населения. Рейтинг главы правительства был крайне низок. Все три года против него велись многочисленные полицейские расследования, которые навряд ли были бы начаты против любого другого премьер-министра. Никакого рационального объяснения подобного отношения людей к своему правителю, да еще и выбранному на вполне законных основаниях в результате, в общем, демократических выборов, скорей всего, не существует. Не под общим наркозом израильцы на выборах в 2006 году вручили мандат на формирование правительства Кадиме, возглавляемой Эхудом Ольмертом. Причем победа Кадимы тогда была безоговорочной. Ольмерт долго выбирал, кого взять себе в коалицию. Проблем с ее созданием у него не возникло. Всю каденцию уходящего правительства я пытался выпытать у людей, поносящих действующего главу кабинета министров, почему он им так не люб. Ни одного вразумительного ответа от вполне продвинутых сограждан, даже тех, кто по долгу службы профессионально анализируют деятельность политиков, мне получить так и не удалось. На поверхности на-

ходится только относительная неудача во Второй Ливанской войне. Единственное соображение, в котором я все более утверждаюсь, наблюдая иррациональные отношения израильтян к бывшему премьеру, сводится к его поразительной невыразительности, полнейшему отсутствию каких-либо ярких личностных качеств. На мой взгляд, у подавляющего большинства нашего населения, вне зависимости от национальности, партийности, доходов и занимаемого положения, сложилось ощущение, что если может даже Ольмерт, то почему не могут они? Справедливости ради, надо отметить, что главой правительства Эхуд Ольмерт был вполне приличным, лучшим за последние полтора десятка лет.

Что же показали минувшие выборы? Почему Биньямин Нетаниягу, которому президент государства Шимон Перес поручил сформировать правительство, не может справиться с этим заданием? Израильтяне в своих политических предпочтениях, так, по крайней мере, традиционно считалось, были разделены приблизительно поровну на правых и левых. Первые тридцать лет существования государства Израиль безраздельно господствовали левые, представленные нынешней партией Авуда и близкими ей идейными списками. Последние тридцать лет гораздо чаще побеждали правые, и только приезд миллиона русскоязычных граждан из бывшей советской социалистической империи и их, не поддающееся прогнозам голосование, позволили левым дважды ненадолго вернуться к власти. При этом вы должны понимать, что никакого отношения к принятому в мире делению на правых и левых его израильский вариант не имеет. Водораздел проходит исключительно по отношению к арабо-израильскому конфликту и не затрагивает ни экономики, ни социальных проблем, ни государственного устройства. Если подходить совсем уж грубо, то левые это те, кто, по мнению политологов, поддерживают концепцию «территории в обмен на мир», а правые – «мир в обмен на мир». В этом утверждении неправда решительно все. Изначально лозунг «территории в обмен на мир» применил на практике первый ликудовский премьер Менахем Бегин, отдав Египту весь Синайский полуостров, в три раза превышающий нынешние размеры Израиля, за мирный договор. Более того, решительно все контролируемые территории были завоеваны при правительствах Авуды, а подавляющее большинство тех, что потом были возвращены владельцам, перешли к ним при правительствах Ликуда. Главным же общественно-политическим мифом любых выборов, да и не только выборов оказывается выражение «левые все отдадут, поэтому надо голосовать за правых». Богатые и успешные, крупные промышленники и высокопоставленные менеджеры в Израиле традиционно голосуют за левую, социал-демократическую Авуду. На прошедших выборах они отдали свои голоса левоцентристской Кадиме, депутаты от которой еще три года назад почти поголовно состояли в Ликуде и даже занима-

ли важные министерские посты от этой партии. Несчастливые и обездоленные, рыночные торговцы и наемные рабочие из депрессивных городов развития поддерживают правый Ликуд, считающийся партией либеральной, рыночной, что еще дальше от истины, чем социал-демократический выбор их соперников. К тому же израильские левые первых десятилетий в своем отношении к соседям по нынешним меркам были бы гораздо правее, чем «оголтелые» правые образца 2009 года. В экономике, естественно, с точностью до наоборот.

Первые две недели из отведенного ему законом срока на формирование правительства Биньямин Нетаниягу потратил на то, чтобы уговорить Кадиму и Аводу стать своими партнерами по коалиции, то есть создать правительство национального единства, как его называют в еврейском государстве. Предлагая им при этом министерские портфели в самых «тяжелых» и престижных министерствах, что вызывает крайнее недовольство в рядах возглавляемой им партии. И только тогда, когда этот номер не прошел, обратился к своим «естественным» союзникам (религиозным и партиям, правее Ликуда), как он сам определил их. Можно было бы его подобное поведение посчитать за парадокс, но ничего неожиданного в действиях лидера Ликуда, на мой взгляд, не просматривается. Он действительно категорически не хочет правого правительства, панически боится его, прекрасно понимает, что его существование может не только оказаться очень кратковременным, но и даже положить конец его политической карьере, что, безусловно, не входит в его ближайшие задачи. Нетаниягу оказывается заложником многолетнего деления Израиля на два лагеря, собственного положения лидера правых, концепции, давно себя изжившей, но не снятой с повестки дня в политико-прагматических целях. В конституции Ликуда до сих пор присутствует пункт, говорящий о «неделимом» Израиле, если вернуться к истории, то в состав этого мифического государства должны входить Иордания, часть Сирии, часть Ливана, часть Ирака, кусок Египта и что-то там еще, уже не помню. Естественно, Палестинская автономия также не должна избежать подобной участи. Ни один не только здравомыслящий, но и просто не умственно отсталый человек сегодня не может относиться всерьез к данной политической цели. Более того, и в лучшие времена функционеры Ликуда не верили в возможность воссоздания неделимой Земли Израиля. За тридцать лет, которые Ликуд находится у власти, ни разу в Кнессете не ставился на голосование законопроект о присоединении территории Автономии к еврейскому государству. Аналогичные законы о статусе Иерусалима, как единой неделимой столицы государства, и Голанских высот, аннексированных у Сирии в ходе Шестидневной войны, в израильском своде законов существуют.

Большинство нынешних избирателей не верят уже ни во что. Им несказанно надоел конфликт с соседями, приносящий только нескончаемые несчастья, экономические неурядицы, горечь утрат, и ежедневно усиливающуюся ненависть народов друг к другу, вослед за недоверием к власти, разлагающую и пожирающую общество изнутри. Поэтому народ Израиля сегодня гораздо больше разобщен, чем даже на рубеже сороковых– пятидесятих годов, когда в страну прибыло в два раза больше новых граждан, чем проживало тогда, в большинстве своем не предполагавших о существовании друг друга. Даже у них было больше общего и ближе видение дальнейшего развития недавно возникшей страны, чем теперь. Несколько дней назад состоялось юбилейное собрание Кнессета, посвященного шестидесятилетию его первого заседания. Открывая его тогда, первый премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион провозгласил первостепенной и основной задачей нового парламента принятие конституции Израиля, на что отводил ровно год. Через шестьдесят лет страна не приблизилась к решению этой задачи ни на йоту, а, скорее отдалилась от нее.

Придя к власти столь традиционным способом, Биньямин Нетаниягу оказался в тупике. Тяжелейший экономический кризис, о котором в предвыборный период не было сказано ни слова, никто не отменял. Положение израильских граждан ухудшается ежедневно. Народ же, как показал опыт предыдущих правлений, умеет обижаться, причем на кого-то конкретного. Персонифицируются не только выборы, больше напоминающие «Последнего героя», чем политический процесс, но и антигерои. Раз политики приучили своих граждан к поискам врага, чтобы не утруждать себя разъяснением своего видения государства и способов управления им, то и сами политики могут легко попадаться в расставленную ими ловушку, сами оказываясь в роли врага народа. Однажды, в 2006 году, граждане уже обиделись на Нетаниягу, бывшего тогда министром финансов в правительстве Шарона, и вынужденного проводить пакет мер по резкому сокращению многочисленных социальных программ. Было это как раз после экономического кризиса 2003 года. Это стоило Ликуду и самому Биби не только поста премьера, но и сокрушительного поражения партии, набравшей всего десять процентов парламентских мандатов. Сохранить лидерство в партии тогда ему оказалось предельно сложно. Повторно этот номер может не пройти. Замечу, что именно Биби, а не Ариэль Шарон был воспринят массами в качестве народного обидчика. Именно поэтому ему необходимо правительство национального единства, дабы резкое ухудшение экономического положения можно было бы списать на своих партнеров по коалиции. К тому ж, уже побывав однажды во главе государства, Нетаниягу прекрасно понимает, каковы реальные перспективы лидера еврейского государства, как повязан он многочисленными интересами

своих зарубежных партнеров, какова на деле, а не на словах политика арабского окружения.

Шансы на скорые и не разрешаемые конфликты в будущем правительстве очень велики. Религиозные партии будут требовать значительного увеличения социальных выплат для своего неимущего электората. Нетаниягу пообещал им пойти на этот шаг еще в свою бытность лидером оппозиции, чтобы они не поддержали того правительства, которое пыталась создать Ципи Ливни после своей победы на праймериз в Кадиме. Тогда этот маневр оказался успешным, и Ливни пошла на досрочные выборы. Но в ту пору Нетаниягу, слышавший крупным экономистом, не предполагал размеров и глубины кризиса, ныне сотрясающего человечество. А, может быть, и предполагал, но жажда власти оказалась сильнее. К началу работы нового кабинета государственная казна окончательно опустеет, уже сегодня страна не добывает налогов на многие миллиарды шекелей, и средства на социальные пособия брать будет нелегко. Партии, находящиеся правее Ликуды, никогда не согласятся с классической формулировкой «два государства для двух народов», а также с замораживанием строительства на территориях, на которых настаивает международный квартет посредников в переговорах между Израилем и ПА. Итак, прошедшие выборы доказали, что в Израиле, за редким исключением, не осталось ни правых, ни левых, а существует предельно усталый народ, готовый к любому типу окончания конфликта, с отдачей территорий либо без оной, поддерживающий идею двух государств для двух народов, в каких бы границах не существовали эти государства. Этот народ больше не в состоянии нести бремя конфликта, столь удобного для политиков. Любой, кто приведет к решению данной проблемы, станет национальным лидером, а может быть, и героем. Политическая же система страны не готова к подобному повороту событий. Тогда на выборах необходимо будет говорить об экономическом кризисе и социальном неравенстве, усиливающемся из года в год. Необходимо будет объяснить народу, почему четверть населения не служит в армии, не платит налогов, а военный бюджет в десятки раз выше, чем в иных развитых странах. Надо будет отвечать, почему Израиль, при его географической малости почти исключительно состоит из периферии, дети из которой имеют слишком малые шансы пробить стеклянный потолок. На повестке дня, наконец, окажется место религии в современном государстве, а также обещанная нам отцами-основателями конституция. Ни одна из существующих партий не готова к подобному диалогу с обществом, а порулить всем очень хочется. Похоже, что подобная система взаимоотношений между обществом и партиями подходит к концу. Какая выработается новая? Возможно, мы это увидим уже на следующих выборах, которые, как всегда в Израиле, не за горами.

Начало общественной активности (1987–1988 гг.)

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МОСКОВСКОГО ЖУРНАЛИСТА ВЛАДИМИРА ПРИБЫЛОВСКОГО

Две «Перестройки»

– В ЦЭМИ на клуб «Перестройка» я начал ходить после того, как узнал о нём, наверное, весной 87-го года от только что освобождённого Миши Ривкина (как раз начали освобождать политических заключённых), у которого был на праздновании его освобождения.

– Возле метро «Молодёжная»?

– Наверное, всё-таки на метро «Молодёжная». Я, действительно, куда-то к нему на метро ехал. Я в первый и в последний раз был тогда у него в гостях. Помню, что именно там в первый раз попробовал еврейское кошерное вино. Один его сорт приторно-сладкий (его невозможно было пить), а другой – жутко кислый, как уксус (его тоже невозможно было пить). Я сказал, что его невозможно было пить, но мы всё выпили – и кошерное, и не кошерное. Дело было в том, что начиналась антиалкогольная кампания, и ничего приличного достать было уже невозможно. И все пили (и верующие евреи тоже) любую дрянь, какую только могли достать.

– Из [Новоисерусалимского] музея ты к этому времени уже ушёл?

– Из музея я ушёл в конце 87-го года. И прежде, чем закончилась моя временная прописка в новоисерусалимской музейной общаге, я успел устроиться сторожем вневедомственной охраны – сторожил склад сантехники в Филях, между железнодорожной станцией «Фили» и полузаброшенным стадионом. По советским законам на работу без прописки не брали, но до истечения срока моей временной прописки оставалось еще несколько недель. А потом мое начальство просто закрывало глаза на то, что я у них работаю, будучи бомжом – «без определенного места жительства». Впрочем, формально оно закон не нарушало, потому что взяло меня на работу ещё тогда, когда прописка у меня была, и по тем же советским законам отсутствие прописки не являлось основанием для увольнения. А навёл меня на это рабочее место Серёжа Лёзов. (До меня там работал какой-то его приятель-сионист, получивший наконец-то разрешение на выезд в Израильщину.)

...В августе 87-го года состоялось очень громкое заседание клуба «Перестройка», стенограмма которого была опубликована в первом номере журнала «Гласность». (Её затем несколько раз читали по Радио «Свобода».) Наибольший фурор произвело жутко антисоветское выступление некоего Лямина – Олега Анатольевича или Олега Александровича. После этой сугубо антисоветской речи никого, однако, не повязали и даже клуб не разогнали.

И именно после этого заседания я и стал туда ходить. Там я, кстати, возобновил знакомство с Андреем Фадиным, с которым не виделся с тех пор, как он ещё до своего ареста был у меня в гостях и «клеил» мою жену. Нет, ошибаюсь: с Фадиным мы возобновили знакомство несколько раньше, на дне рождения у Лёши Собченко. На том дне рождения у Собченки присутствовал ещё Артём Троицкий – из будущих знаменитостей.

На «Перестройке» я познакомился с Игорем Минтусовым. Там же, по-моему, Пельман познакомил меня с Игруновым. Иногда ходили туда и «памятники». Например, однажды там я видел самого Валерия Емельянова, автора «Десионизации», лидера языческого крыла «Памяти». Если я не путаю, то бывший диссидент, а теперь нацист-язычник Алексей Добровольский тоже там бывал. Турик точно бывал не раз.

– Иркутский Турик?

– Нет, московский. Не Александр Турик, а Анатолий, ближайший друг Валерия Емельянова. Это тот, у которого был свитер с надписью: «Куришь, пьёшь вино и пиво – ты пособник Тель-Авива». У Емельянова и Добровольского тоже были такие свитера, но Емельянов, случалось, ходил и «в штатском», а вот Турик со своим свитером не расставался.

На «Перестройке» я перезнакомился с очень многими людьми. Единственные, кто туда практически не ходил (или бывали там крайне редко), это «общинники».

Тогда на какое-то время (примерно с осени 87-го и ещё на полгода или чуть больше) в ЦЭМИ – в «доме с ухом» – образовалась основная площадка для встреч всех неформалов. В отличие от КСИ клуб «Перестройка» собирался регулярно (заседания проходили, по-моему, раз в неделю) и являлся дискуссионным клубом с постоянным местом и открытым входом. На него приходили все – и кто считал себя членом «Перестройки», и кто не считал. Это было место, где обменивались информацией, «самиздатом», где читались лекции (иногда смелые).

Но мне в ЦЭМИ лекции как раз были не очень интересны. Мне было интересно настроение людей, так сказать, в предреволюционной обстановке. Ещё я ходил туда ради завязывания и поддержания контактов. Я туда приходил, тусовался в кулуарах (в конференц-зал иногда только заглядывал), раздавал «Хронограф», перекидывался словами и обменивался информацией с интересующими меня людьми, закупал у Лёвы Волохонского его «самиздат» и иногда уходил ещё до начала дискуссии. Впрочем, «Хронограф» возник только в 88-м, но, всё равно, «Перестройка» в «доме с ухом» существовала и в 88-м, и даже в 89-м...

– ...Уже как «ДемПерестройка».

*Беседовал Алексей Пятковский. Июнь 2005 г. – март 2007 г.

– Да, с января 88-го – как «ДемПерестройка».

...Я быстро уматывал оттуда, потому что мне тамошние теоретические споры были скучны и неинтересны. Их вели люди, никогда не жившие в общезжитии. А я за шесть лет университетского общежития и последующие несколько лет общежития музея обо всём уже переспорил, и меня суть дискуссий совершенно не задевала. А вот склоки по организационным вопросам я наблюдал с интересом, хотя и не без сожаления и разочарования в людях.

Иногда, правда, всё-таки бывали лекции, в какой-то степени интересные и для меня тоже, и тогда я на них оставался. Впрочем, может быть, для меня просто был важен сам факт присутствия на подобной лекции или дискуссии в СОВЕТСКОМ учреждении, когда с трибуны несли такое, за что ещё два года назад сажали. Словом, происходило нагнетание революционной атмосферы. Правда, и это со временем приелось.

На каждом заседании я видел Серёжу Митрохина и Валеру Фадеева, которые всё время катили бочку на лидеров клуба, то есть на Минтусова, Кардаильского, Румянцева и Фадину, постоянно узурпировавших председательское место. Митрохин обычно сам не выступал, но накручивал Фадеева, и Фадеев начинал выступать со всякими демаршами. Например, припомнил как-то Андрею Фадину «дело Михаила Ривкина». Происходило это всё осенью 87-го года.

Я считал выступления оппозиции («бешеных», как я их для себя называл, – было такое течение левее якобинцев во время Великой французской революции) очень неконструктивными, тем более, что самыми заметными выступавшими от неё были довольно вздорный (хотя в чём-то и симпатичный) Валера Фадеев и парочка «сумасшедших»: тот самый Олег(?) Анатольевич(?) Лямин (его все по имени-отчеству называли), чьё антисоветское выступление произвело фурор в августе, и Юрий Митюнов со своими костылями. Лямин, например, первым стал кричать с трибуны, что надо объявить клуб «Перестройку» оппозиционной коммунистам партией – Социал-демократической партией Советского Союза(!), и Олег Румянцев, который втайне мечтал о том же (но считал, что «ещё не время») очень переживал из-за того, что его любимую идею опошляют.

Кстати, я, кажется, присутствовал на знаменитом публичном покаянии Митюнова, когда он с трибуны повинился в том, что является агентом КГБ, засланным в клуб «Перестройка». Или не с трибуны, – возможно, он возле трибуны бился в самоисступлении, чуть ли не на полу катаясь. Хотя, кажется, Митюнов провёл не один, а несколько таких сеансов самоисступлённого покаяния вкупе с требованиями покаяния и от других «присутствующих здесь агентов КГБ». На том основании, что он так смело разоблачил КГБ, Митюнов претендовал на лидерство в клубе и всячески обличал Фадину, Кудюкина и Румянцева.

Между прочим, Митюнова ещё в университете завербовал тот самый кагебешник Владимир Алексеевич Кашин, который в своё время и со мной душевительные беседы проводил. Впоследствии Митюнов, изгнанный за свой склочный характер с Радио «Свобода», обвинил в газете «Московская правда» моего друга Лёшу Собченко, работавшего как раз в тот момент на «Свободе» в Мюнхене, в былом сотрудничестве с КГБ – на том основании, что Лёшу Собченко Кашин тоже в своё время допрашивал. И Кудюкина тоже, наверное, Кашин курировал. (Правда, на следствии в 82-м году Пашу допрашивал уже другой гэбист – следователь Похил.)

Ещё к «бешеным» принадлежал радикальный оппозиционер, «мемориалец» Витя Кузин, будущий дээсовец (теперь он состоит в антиглобалистском и антиамериканском «Шиллеровском институте»). Кузина я сумасшедшим не считаю, но тогда его речи мне тоже казались не столько радикальными, сколько безумными, именно «бешеными», – кажется, этот термин вспомнился мне именно во время какого-то демарша Кузина. «Вылитый Эбер!», – подумал я тогда. (Эбер, он же Эберт – лидер «бешеных» во Франции конца XVIII века).

Вместе с Кузиным ходил на «Перестройку» Юра Скубко, который, правда, в основном молчал. (Со Скубко мы познакомились потом в клетке – в обзьяннике – после ареста на митинге 21 августа 88-го.)

К оппозиции в клубе «Перестройка» принадлежали и те, кого я от «бешеных» мысленно отделял – Дима Леонов, Игорь Чубайс и Вячек [Игрунов] (роль которого была не явной: он так же, как Митрохин – Фадеева, накручивал ещё кого-то, но сам почти не выступал). Впоследствии Вячек мне как-то признался, что его личная политика тогда была направлена именно на раскол клуба. (Он именно этого и хотел.) Я уже не помню, как он это мне тогда объяснял, но в принципе его тогдашнюю логику можно реконструировать. А до этого признания я думал, что Вячек являлся в «Перестройке» сторонником компромисса между радикалами и умеренными – как Леонов. Ан нет! Он, оказывается, интриговал в пользу раскола. А с кем заодно был Пельман, мне было не очень ясно, поскольку он обычно помалкивал. (Пельман всегда – серый кардинал.)

Мои политические симпатии находились на стороне умеренного (а не радикального) крыла «Перестройки» – на стороне Минтусова, Кудюкина, Кардаильского, Румянцева, отчасти Фадину. Что касается Фадину, то у него очень сильно играло честолюбие – для меня, например, очень заметное. Он вёл себя довольно высокомерно, особенно по отношению к откровенным «психам». (А «психов» – позже таких стали называть демшизой – туда на самом деле ходило немеряно, просто не все были такие яркие, как Лямин и Митюнов.) Фадин своим аристократическим пренебрежением сильно раздражал оппозицию, в частности, Серёжу Митро-

хина, который всё время накручивал Фадеева против Фадины, после чего Фадеев с азартом на Фадину наускакивал.

Вообще-то, по сути, я был бы согласен с радикальным содержанием выступлений «бешеных», но мне категорически не импонировала, раздражала, вызывала активное неприятие форма их выступлений. В то же время умеренная оппозиция Димы Леонова и Игоря Чубайса, которые не хотели раскола клуба и искали какой-то компромисс, меня не раздражала. При этом человеческие отношения у меня в этот момент начали завязываться с Вячком, который был мне симпатичен, и с Димой Леоновым, – то есть с оппозиционерами, хотя и не крайними.

Сам я в клубе никогда не выступал, а в кулуарах комментировал чужие выступления очень аккуратно и в примирительном духе: мол, и у тех – своя правда, и у этих. Более откровенно я высказывался в разговорах со старыми приятелями – с Кудюкиным, Фадиным, а из новых знакомых – с Вячком и Минтусовым. Говорил, например, что если бы в Якобинском клубе была хотя бы парочка Лямыных, то Великая французская революция ни фиги бы не состоялась.

Когда клуб раскололся, я продолжал ходить на «ДемПерестройку». Туда, кстати, ни для кого доступ не был закрыт, и часть бывшей оппозиции продолжала там бывать – в статусе гостей клуба. При этом личное общение у меня развивалось, в основном, с членами П-88 – Игруновым, Леоновым, отчасти Чубайсом и Фадеевым, а потом и с Митрохиным. И встречался я с ними чаще всего как раз на заседаниях «ДемПерестройки».

Саму «Перестройку-88» как клуб я посетил один единственный раз, когда Вячек с Чубайсом затасили меня на квартиру Фадеева, где они начинали делать журнал «Полемика», который получился, на мой взгляд, не интересным. (Между прочим, в «Перестройку-88» записался и издатель антисоветской диссидентской «Гласности» Сергей Григорьянц, что умеренных в «ДемПерестройке» просто шокировало.)

– Какое отношение квартира Фадеева имела к «Перестройке-88»?

– Дело в том, что у «Перестройки-88» своего помещения не было, и её члены собирались, где придётся. При этом, отколовшись от «ДемПерестройки», они стали конспирироваться от «сумасшедших» (они их просто отсекали), хотя у Леонова и были моральные страдания по этому поводу. Во всяком случае, от Лямина – точно они места своих встреч скрывали.

А вот от других «бешеных» – Скубко и Кузина – они не шифровались: Скубко и Кузин считались полноправными членами-учредителями «Перестройки-88». Правда, их дезавуировали, когда, вступив в апреле 88-го в оргкомитет партии ДС, Кузин где-то заявил, что они со Скубко представляют в оргкомитете группу «Перестройка-88». Митро-

хин, узнав об этом, возмутился: «Выходит, он там и меня тоже представляет? – а я ему такого права не давал!» Вячек, Чубайс и Леонов согласились с Сережей, хотя и не так импульсивно.

А надо сказать, что у «восьмерок» была внутренняя безбрежная демократия типа Речи Посполитой, при которой всякий член-учредитель имел, похоже, право вето на всё. При этом другие неформалы ошибочно считали лидером П-88 Игоря Чубайса. Но если приглядеться, то становилось ясно, что всем у них вертит Вячек – причем исключительно благодаря своему личному обаянию.

После того инцидента с присвоением полномочий Кузин со Скубко (и, может быть, еще Александр Хатов?) стали себя именовать типа: «радикальное крыло клуба “Перестройка-88”» или, может быть, какая-то «секция», – помнится, в названии их фракции присутствовало именно слово «секция». **(Насколько я помню, они именовали себя представителями Юридической комиссии П-88, – А.Л.)**

И Фадеев тоже стал себя и Кузьмичёва как-то отдельно называть – то ли «теоретический семинар клуба “Перестройка-88”», то ли ещё какая-то «секция». Ещё он с Кузьмичёвым основал Партию городских и сельских хозяев – из двух человек. (Я обо всех этих перипетиях узнавал от Леонова и, отчасти, Вячека, поскольку с Митрохиным до мая 88-го практически не общался.)

В одном из интервью Митрохин обмолвился, что Прибыловский состоял в «Перестройке-88». Ничего подобного. Я в «Перестройке-88» не состоял. Не считал я себя членом и клуба «Перестройка» до его раскола. (Я не выступал на его заседаниях, а только наблюдал и общался в кулуарах.)

Кстати, до раскола в «Перестройке» и не существовало формального членства: кто из более или менее постоянных участников хотел считать себя членом клуба, тот и считался таковым. В это время его устав только готовился, и как раз по поводу устава и возникли большие разногласия между умеренными и радикалами. Мало того: когда у них произошёл раскол... А окончательный раскол у них произошёл – как в РСДРП, на большевиков и меньшевиков – из-за устава, потому что имелись варианты устава разной степени жёсткости. У Димы Леонова была идея компромиссного варианта устава, которая со стороны умеренных поддерживалась Кудюкиным, и этот устав имел шансы пройти. Но тут Диму подвело его занудство, – дай ему волю, каждый пункт устава обсуждался бы и шлифовался по полгода. А жизнь шла революционным галопом и всё время подкидывала новые темы: борьбу за свободную и неограниченную подписку на газеты и журналы, «дело Ельцина»... «Дело Ельцина», кстати, как раз совпало по времени с обсуждением на «Перестройке» устава.

– В интервью мне Митрохин рассказал о том, что одно время «Перестройка-88» соби-

рались в каком-то помещении около Ленинского проспекта.

– Я припоминаю, что, действительно, был в районе Ленинского проспекта какой-то полуподвал, ключи от которого находились у кого-то из «общинников». И однажды там собрались разные неформалы для принятия какого-то заявления – скорее всего с требованием «гласности в деле Ельцина» – и их разогнала милиция. После этого туда никого уже не пускали и то ли замок перевесили, то ли ключи отобрали – хотя, может быть, и не навсегда. Я в этом полуподвале присутствовал единственный раз – на том самом мероприятии, которое менты разогнали, о чем и сделал репортаж для «Экспресс-Хроники» Подрабиника. Возможно, речь идёт о том самом подвале, и «восьмерки» могли там тоже иногда собираться.

А вот мне ещё вспомнилось словосочетание: «Клуб Керамического завода». На самом деле, эта разогнанная ментами тусовка проходила именно там. А вот где находился этот клуб Керамического завода – убей, не помню. Может быть, как раз на Ленинском?

– В советские времена я знал один Керамический завод в том самом, прогрессивном, Брежневском (или уже Севастопольском?) районе, посередине между станциями метро «Академическая» и «Профсоюзная», в месте пересечения, по-моему, Новочерёмушкинской и улицы Кедрова, недалеко от Института социологии(?) и нынешней штаб-квартиры СОЦПРОФА. Логично предположить, что и клуб этого завода располагался где-то неподалёку.

– А ещё при каком-то ЖЭКе существовал такой клуб – «Факел», ключи от которого находились у Германа Иванцова из Московской группы ВСПК. Может, это как раз то помещение? В нём я определённо разок-другой бывал. Но только где находился этот «Факел»?

– Меня начали приглашать на заседания в «Факел» летом 88-го, однако я по какой-то причине так туда и не выбрался. Насколько я помню, к нему надо было добираться от того же метро «Академическая» (или «Профсоюзная») в сторону Ленинского проспекта.

– Но вот на квартире Фадеева «восьмёрки» точно собирались – по крайней мере, по поводу издания Фадеевым и Чубайсом «Полемики», которая, впрочем, быстро стала единоличным продуктом творчества Фадеева.

– В квартире в сталинской высотке на Котельнической набережной, 15, где жил Фадеев?

– Совершенно не помню, где.

Клуб «Гласность»

– А можешь что-то рассказать о другом клубе – «Гласность»?

– Возглавлял его Тимофеев. Кстати, клуб «Гласность» и редакционная группа журнала «Гласность» – это не одно и то же. Клуб – это Тимо-

феев, и выпускал он журнал «Референдум». А журнал «Гласность» – это Сергей Григорьянц. И между собой они не очень-то и дружили.

Я на клубе был один-единственный раз, да и то не на заседании самого клуба, а на международном семинаре по гуманитарным проблемам, который клуб проводил с 10 по 16 декабря 1987 года. Там собрались столпы диссидентского движения со всего Союза. Диссиденты пытались привлечь к официальному участию в семинаре и новые клубы, но новые неформалы этого побаивались и говорили примерно так: клуб «Перестройка» (КСИ, группа «Мемориал», ФСИ и так далее) официально в этом участвовать не может, но в личном качестве кто-нибудь, может быть, и придёт. Помню, как Минтусов жутко конспиративно встречался с Тимофеевым по поводу возможного участия в этом семинаре клуба «Перестройка».

Проходил семинар по секциям, на квартирах, в том числе, скорее всего, и Тимофеева. По-моему, из «новых» организаций только «Гражданское достоинство» участвовало в этом диссидентском мероприятии официально. Кроме того, на этом семинаре тихо в уголке сидел Гриша Пельман – то ли в личном качестве, то ли как наблюдатель от КСИ. Леонов присутствовал в личном качестве, хотя диссиденты очень хотели, чтоб группа «Мемориал» участвовала официально.

На семинаре я тоже присутствовал в личном качестве. И только один день – 12 декабря. Пригласили меня туда сделать докладик об идеологии общества «Память».

Я, кстати, тоже предполагал, что нас могут там свинтить, но надеялся, что повинтят ненадолго – только чтоб сорвать мероприятие, а потом отпустят. Я побаивался, что для меня задержание на «антисоветской конференции» может вылиться в изгнание с только что обрётённой новой работы сторожем (поскольку срок прописки в Истре у меня вот-вот должен был закончиться и, значит, ни на какое другое место меня бы уже не взяли), но решил рискнуть.

Я приехал туда, кажется, с Леоновым (у которого был адрес) и поэтому не запомнил даже направление, в котором мы ехали. А уехал я оттуда точно что вместе с Леоновым. Случилось это после того, как звучавшие на семинаре однообразные морально-политические нотации («Перестройка – это обман», «нельзя верить коммунистам ни в чём») быстро мне наскучили.

Вообще, тусовка эта оказалась неожиданно заурядной: даже винтить никого не винтили. Только весь день у подъезда стояла какая-то подозрительная машина, люди в которой менялись. Запомнилось выступление представителя какой-то еврейской правозащитной организации о «корнях антисемитизма», основная мысль которого была следующая: нехорошие люди просто завидуют, что евреи такие умные, культурные, красивые, образованные и богоизбранные, и поэтому их ненавидят. Я ещё тогда по-

думал: впервые вижу дурака-еврея. И где? – в таком избранном обществе! Я тогда ещё не выпускал «Хронограф», а то непременно пересказал бы в своём репортаже этот доклад близко к тексту.

Сделав свой докладик-сообщение про национал-большевизм общества «Память», я начал искать повод, чтобы смотать оттуда. Когда кто-то объявил (со ссылкой на вражий голос, что ли?), что сегодня в университете будет проходить митинг в защиту Бориса Ельцина, то возникла идея: «А не послать ли кого-нибудь на этот митинг от семинара?». Ну мы с Леоновым и вызвались. А меня, кстати, организатор этого митинга – студент или аспирант экономического факультета Галамов – на митинг как раз приглашал, позвонив дня за два до этого мне на склад. И вот мы туда поехали.

– **А что ты помнишь о целях и формах деятельности клуба «Гласность»?**

– Насчёт целей – это к Тимофееву. А формы – это выпуск журнала «Референдум» и семинары...

– **...Домашние семинары?**

– Да, квартирные. На них собирались эпигоны диссидентского движения и разговаривали об ужасах коммунизма и лживости политики Горбачёва. Впрочем, статьи членов клуба в журнале «Референдум» были хорошие. Во-первых, сам Тимофеев хорошо писал: и об ужасах коммунизма, и об экономике, социологии – и всё очень доходчиво, хорошим русским языком. Кроме того, у него, по-моему, начали печататься люди типа Ларисы Пияшевой и Бориса Пинскера.

– **Кем был тогда Тимофеев?**

– Тоже выпущенным зеком. Но не знаю, чем он тогда занимался «в миру». Он являлся уважаемым – хотя и в узких кругах – публицистом, и я думаю, что он зарабатывал деньги своими статьями на Западе. Я сам помню: получишь гонорар из «Русской мысли» – сто баксов – и полгода на него живёшь. А Тимофеев писал хорошие книги и статьи, и я думаю, что на эти деньги и жил.

– **Ты говоришь про советские времена?**

– Ну да, про позднесоветские – период Перестройки. Я помню, что когда я получил первый гонорар из «Русской мысли» (это было долларов двести), то на них год жил. Конечно, я в это время продолжал получать также свою зарплату в сторожке.

Так вот, эта моя зарплата ночного сторожа рубль в рубль совпадала с теми деньгами, которые я платил за квартиру. Поэтому приходилось ещё как-то подрабатывать. Когда мне стал платить Вячек (в смысле – кооператив «Перспектива»), то на хлеб с сыром мне этого примерно хватало, а всё остальное... Двухсот же баксов от «Русской мысли» мне хватило на пиво и вино с легкой закуской чуть ли не на целый год.

Первый митинг

– **Расскажи про тот митинг в МГУ, на который вы с Леоновым поехали после диссидентского семинара.**

– Дело в том, что сам студенческий митинг 12 декабря 87-го года в защиту Ельцина (точнее, попытку митинга) я фактически не видел. У меня имелся студенческий билет (правда, поддельный – билет моего друга, который тоже уже не учился, в который я вклеил свою фотографию и подделал срок его действия), по которому я и хотел пройти в МГУ. Но Костю Затулина не обманешь. Затулин, который руководил разгоном – точнее предотвращением этого митинга – меня опознал, и его ребята выкинули меня из здания, отобрав пропуск. (Ну не выкинули, а вынесли и аккуратно положили на паркет). Мы приехали поздно, когда студентов уже согнали с площадки перед стекляшкой и отчасти загнали, отчасти заманили в одну из поточных аудиторий для «идейного разгрома» его участников. (В «идейном разгрома», кстати, участвовал и мой старый друг и однокурсник Серёжа Щеблыгин, нынешний сенатор). Галамова же, вообще, заталкивали в эту аудиторию насильно – затулинские оперативники при личном участии проректора МГУ Александра Сергеевича Орлова – и ещё ворот рубашки ему порвали. Эта история описана в одной моей статье про Затулина в «Русской мысли» (я там только Щеблыгина не стал упоминать), так что возвращаться к ней нет смысла – всё равно я ничего нового вспомнить не смогу.

Добавлю только, что до этого Галамов и ещё какой-то студент истфака с согласия комсомола устроили как-то в стекляшке, в одной из поточных аудиторий, общественно-политическое обсуждение «всего». Я туда тоже припёрся и повыпендривался вволю: например, пересказал с кафедры «Энимал фарм», а заодно мысли Троцкого-Джиласа-Восленского о том, что партноменклатура (она же – «свиньи» Орвелла) – это новый эксплуататорский класс. Я, кстати, позвал на эту тусовку Диму Юрсова, но тот не смог прийти.

Надо сказать, что то ли у Галамова, то ли у этого студента-истфаковца была своя собственная самопальная универсальная идеология социалистического толка. И вот после выступления организаторов мероприятия в защиту демократического социализма некий аспирант Куликов (или Кулаков?) с кафедры [истории] КПСС заявил: «Такие-то имяреки – типичные меньшевики, как Керенский! А мы знаем, кто приходит вслед за керенскими!..» (Куликов явно собирался сказать в продолжение, что приходит генерал Корнилов). Галамов только-только привстал, чтобы уличить коммуниста-аспиранта в невежестве (Керенский-то был эсером, как известно, а не меньшевиком, – аспирант оговорился), но тут я вскакиваю со второго ряда и, опережая обоих, провозглашаю: «Тогда я претендую на роль генерала Корнилова!» После этого наступили полминуты полной тишины. Все оглядываются: где же КГБ? А КГБ молчит. И аспирант Куликов тоже молчит – обалдел на фиг. (Аспирант Куликов рассказывал потом о своих впечатлениях от того собрания Серёже Харла-

мову, а Харламов пересказал мне). А затем – нерешительные аплодисменты.

Галамову тогда очень не понравилось, что я перетянул одеяло на себя: все вопросы студентов были адресованы мне, а не инициатору собрания Галамову. Но телефоны мои он записал и на свой митинг тоже пригласил.

А Галамова после «ельцинского» митинга заваляли на ближайшем же экзамене – кажется, по марксистско-ленинской философии – и быстро исключили из партии и из университета. Он потом пропал куда-то с концами.

– *А какова была цель подделки твоею студенческого билета?*

– А чтоб в университет попадать. Причём я с этим документом ходил, в основном, не в стек-

ляшку, где проходил тот митинг, а в высотку, где у меня жили друзья.

– *Какую стекляшку ты имеешь в виду? «Первый гум»?*

– Стекляшка – это наш истфак и еще пара факультетов.

– *А, первый.*

– Первый гуманитарный. А в высотке в это время ещё жили истфакские аспиранты и студенты, с которыми я поддерживал отношения, а также какие-то латины – старые друзья моей мексиканской жены. Так что в высотке я бывал, и документ этот мне был нужен. Но, к сожалению, затулинцы у меня его отобрали, и моё свободное хождение в университет закончилось.

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Вадим Максимов

Озарения в бездне

ЛИЧНЫЕ СУДЬБЫ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Влюбой бездне всегда таятся живые лучи света. Только что и в чьих глазах важнее: тёмное царство или лучи света, проходящие сквозь него?

Помню литературную студию МГУ 80-х, царство мажоров, и тех, кого мажоры допускали в свой круг. Умело укрытая, но непреодолимая русофобия: вроде никто никому не враг, но не одолеть это нечто, похожее на частую сеть. Впрочем, разговор не о том.

Чернявая Елена Мороз, застенчивая и гонорovitая, старообразная и высокомерная, улыбка профессорши, хоть годами не вышла. Ироничная, хоть не всегда к месту и по делу. Наш взор, взор молодых и амбициозных поэтов, почти не останавливался на ней. И только весной 1988-го, когда, казалось, тема преступлений советского режима была открыта окончательно и без купюр, на вечере отчаянного историка Юрасова она задала вопрос: «А вы видели дела моего деда, Григория Мороза, заместителя Дзержинского, и моего отца?» Весной 1994-го внезапно пошли кривотолки о её гибели, но по ним невозможно было понять, кто и как убил Лену. Наши отношения – в студии и жизни, в околосредовой среде и тогдашней так называемой молодой и маститой советской, а чуть позже – постсоветской литературе и в обществе были отношениями мажоров, изгоев-серяков, и тех, кто в мажоры допущен. Да и положение самих мажоров было зыбким не только из-за слепого и безликого идеологического насилия, но и потому, что бардачная неопределённость нашего бытия нас устраивала, навела каждому иллюзию его необъятных перспектив. Эти от-

ношения напоминали анекдот про двух политических зеков, принадлежащих к враждующим партиям. Один говорит другому: если дальше будете идти против нас, мы вас посадим. А оба и так за «колочкой»!

Старая университетская студия в советские времена была одним из немногих тогдашних мест встречи пишущих, молодых и не очень. Но ничего ни для кого не делала, а ведь юному покорителю Парнаса бег на месте хуже удавки. Поэтому один из нас – замечательный, ныне покойный поэт Николай Сергеев-Симфориди при участии вашего покорного слуги создал в 1997 году студию лирической поэзии «Орфей». В сборнике «На крыльях Пегаса» мы решили увековечить всех, кто имел отношение к поэзии, кого мы знали, чьи труды находились в пределах нашей досягаемости. Раздел ушедших назывался «Новая жизнь». Я разыскал маму Лены, Евгению Ивановну Панову. Вскоре к ней из Крыма приехала её сестра Клара. И тут...

Когда Евгения проходила плановое обследование в академической больнице, Клара открыла мне причину нашего раздора с Евгенией. Не только мой номенклатурный статус, антикоммунизм, религиозность, и патриотизм, опирающийся прежде всего на любовь к стране и народу как любовь к конкретным людям и внимание к их проблемам, так бьют Евгению Ивановну, философа, педагога, как я. Есть ещё что-то. Не буду заранее раскрывать интригу повествования.

Они были, БЫЛИ на свете, эти три человека. А после – три архива, домашний, оплошно утрачен-

ный, и рассекреченные дела, попавшие на разные сайты Интернета – стога сена, таящего в себе множество «иголок», могли бы за них говорить. Об их позоре и славе, о свете, так или иначе озарившем их в бездне, и том, что превратило их в изломанные существа, настроенные на разрушение. Кто они: Самуил Григорьевич (Гаширович) Мороз, сын первого зама Дзержинского, его жена Евгения Панова и его дочь Елена Мороз?

В таких «революционных» семьях устно хранятся свидетельства о моментах истории, сначала десятилетиями замалчиваемых, а потом задвинутых за неактуальностью.

Начнем с азов. Феликс Дзержинский, внебрачный сын польского дворянина и его служанки-еврейки, родился недоношенным: мать упала в подпол на седьмом месяце. Слабое здоровье и обусловленный им созерцательный характер подогривали неукротимый огонь новой жизни, по-детски несогласной со всем миром. Это обусловило асоциальное поведение этой будущей знаковой исторической фигуры. Поведение асоциальное, или, как потом будет принято говорить в «детских» отделах ЧК и у нынешних горе-педагогов, деленквентное, девиантное. Шагнул раз, шагнул два – и в банде. Но в побудительных мотивах тех походов не было политики. Чем-то неразлично далёким были для Феликса и его «товарищей» абстрактные идейные материи. Ах, всего лишь через год они станут не только мясниками, но и жрецами пока ещё непонятных и ненужных им принципов. А пока – 1916 год.

Суд Нижнего Новгорода приговорил их к пожизненной каторге. Февраль-1917. Свобода всем! Долго искали работу оборотистые урки, пока летом 1917 года Нижегородский Совет рабочих и солдатских депутатов не принял решение создать чрезвычайную комиссию, чтобы хоть как-то унять распустившихся в городе бандюков. Только в Нижнем, и только – до восстановления «настоящей» власти с полицией и прочим! Самая-самая спецслужба мира родилась как временная организация местного масштаба. Но квоты на рабочих, к кому в Совете отнесли «жертв царского режима», кончились. Остались квоты на солдат.

Одна из «жертв», уроженец Витебска Гашир, о ком ничего другого достоверно не известно, по документам своего земляка, Григория Мороза, призванного в 1916 году, провёл товарищей в Совет как депутатов от солдат. Хрестоматийная, кинематографическая застенчивость Дзержинского – не вымысел. Она была обусловлена его болезнью, но отнюдь не сдерживала ни его амбиций, ни его воли, ни его сообразительности: буду первым во всём, никому никаких уступок, но всё-таки нужен страхующий механизм. Лже-Мороз не был регентом в ЧК. Главой был Дзержинский, но его внутренняя сила всегда нуждалась, как модно говорить, в энергетической подзарядке со стороны более активного зама.

Ленин оценил активность Нижегородской ЧК. После Октябрьского переворота её перевели в Питер как центральную службу нового режима, а в декабре 1917-го она обосновалась на Лубянке в связи с предстоявшим переездом Совнаркома в Москву.

И в третьей столице ЧК Мороз был могучей пружиной. Сейчас невозможно сказать, какова была его роль в покушении на Ленина, организованном Дзержинским в августе 1918-го, но казнь пяти тысяч москвичей по приказу одного только т. Мороза, сквозь зубы признанная властью в перестроечное и ельцинское время, говорит сама за себя.

По горькой иронии судьбы в 1918-м в Москве у Гашира родился сын – Самуил, принявший на себя не только отцовский грех, но и отцовскую болезнь, туберкулёз, нажитый в царской тюрьме и передавшийся при родах. Умненький был, однако, Самойла, да хворый: в санатории сам Вася Сталин ухаживал за больным товарищем: пионер – друг пионерам! Не будем судить, и без того нас жизнь поневоле и по нашей слабости делает судьями то одного, то другого.

1938 год. Давно умер Феликс, повыбит расстрелями не только ленинский, но и ранний сталинский партийный президиум. Пришли за всеми пятью замами Феликса. Так сгинул Гашир. И Самуил, родившийся в 1918-м, когда Феликс подготовил покушение на слишком умного, слишком радикального и стремительно съедаемого болезнью Ленина, а его отец провёл в Москве повальные расстрелы, попал «за колючку».

И тут надо обратить внимание на один из методов преступной селекции подрастающего поколения, предложенной Дзержинским, не афишируемой в наши дни. Более или менее известно, что его установка на поддержку беспризорных детей среднего уровня развития и общие слова директив о перевоспитании дефективных на деле означали выбраковку и физическое уничтожение слишком развитых, или больных, непригодных к труду. Но в те годы честность интеллигентных и бесхитрость простонародных воспитателей не дали в полную силу развиться этой практике, впоследствии использованной нацистами. Отметим ещё один момент, разрушавший презумпцию невиновности, сначала на уровне данной педагогической практики, а далее – в самом советском правовом сознании. Этим моментом было правило: дети умерших или отсутствующих родителей – в детдом, сироты при родителях живых – в колонию (ДТК, ДТВК). Оно просуществовало аж до 1969 г. Володя, несовершеннолетний, младший сын Гашира, казнённого как один из главных врагов народа, попал в детдом. Некоторые из нас слышали, что кое-кто из представителей поколения, окончательно ушедшего из жизни в 1970-х годах, не любил Ленина и довольно хорошо относился к Троцкому. Ларчик открывается просто. Троцкий «работал на контрасте»: человек, попавший в безумную бучу 1918–1919 годов, понимая гибельность происходящего и свою вину

в этом, страшась ответа в жизни будущей, жаждал хоть малой передышки. И на – появлялся психолог Троцкий с объяснением и распоряжением: враг УЖЕ уничтожен, прекратить насилие. Володя Мороз попался на удочку легенды о Троцком как о «разумном коммунисте» тем более, что детдомовцы, как свободные дети страны Советов, участвовали в собраниях, оправдывавших кровавую свистопляску. И – погиб.

Впрочем, вернёмся к Самуилу. Трудно сказать, по утилитарным ли соображениям начальства, старой памяти соратников, чреватой стенкой, или помилосердствовал кто, но слабак-туберкулёзник в «заключке» попал на кухню хлеб резать. Война-штрафбат, но всё-таки – похоронная команда. Это и спасло. Пришли и слава, и уважение, и частичка прежнего положения. Вернулся в Москву, где умные люди шепнули: держись от столицы подальше. Так учитель, философ, филолог Самуил Мороз попал в Иркутск, где встретил Женю Панову, дочку старболов, правнучку декабриста Панова. Любовь права даже там, где она сто раз неправа. Любовь всегда чиста, даже если к ней примешивается честолюбие и сладострастие. Кого из нас в её годы не соблазняла взаимная игра ума и тела! А комсорг Панова рисковала: в 1950-м связать жизнь с таким...

И тут надо внести ясность в пресловутый национальный вопрос. Антисемитская политика Кремля конца 40-х – начала 50-х была попыткой убить двух зайцев: реабилитироваться за преступления советской власти против нееврейского населения, и, что важно, смешать представления в головах интеллигенции, всегда вступавшей за малые народы по принципу «есть люди, и нет коллективной вины». Мороз и Женя это понимали во всей полноте.

Родные Жени приняли нового члена общей большой семьи, как и подобает в таких случаях. Но амбиции всего существа Самуила, истрадававшегося физически, душевно, идейно и биологически, и затаившаяся психическая болезнь Жени, что впоследствии привела её к растительному существованию, всё больше подменяли их любовь честолюбием, редкой в то время гурьбой – оба свинговали, не зная самого слова «свинг», и маниакальным поиском антисемитов.

Женя! Интеллигент Евгения! Она с 1946 по 2002 годы простояла у школьной доски. Проверяя до полуночи классные работы и сочинения, анализировала их на предмет социальной психологии, совмещала это с социологическими исследованиями, требующими поездок по всему бывшему СССР, исследованиями, которые не могла не принять большая философия!

А Самуил! Поэт, переводчик с немецкого, чьи переводы Гёте и Гейне стали событием в филологии в самой Германии, точнее, в тогдашних обеих Германиях! Он лишь на 10 лет меньше жены простоял у школьной доски, ведя младшие классы. Да и смелости Евгении не убавилось с годами: во время забастовки шахтёров в 1989 и 1990 годах, этого народ-

ного «нет!» разнузданной власти коммунистов, она брала пространные интервью у протестующих, спускаясь к ним в забой! А её наивность в части авторских прав: в периодике была своей, а не было, нет, и теперь не будет книги социолога и педагога Пановой. Уже на грани распада личности, в 2004 году, она спокойно отдала свои читанные-перечитанные, писанные-переписанные, накопленные-перенакопленные материалы одному скользкому столоничальнику от педагогики, с которым не раз свинговала с полного одобрения мужа-подранка. Так что же стояло за этим едва ли не героизмом и без пяти минут гениальностью?

У обоих поиск «антисемитов» быстро перерос в слепой психопатический настрой против всех «великорусских шовинистов». Новая пара нашла кукол для битвы в лице родных Евгении. Подчас побои переходили в попытку убийства: Самуил выбросил Клару из поезда на камни железнодорожной насыпи, её всё более терявшая контроль над собой сестра уже после смерти мужа, мягко говоря, повторяла подобное. Из соображений гуманности я не буду описывать нелепые формы её поведения, обусловленные болезнью.

В чём же парадокс? Как же герой и едва ли не гений уживались в них не только с гурьбой, жестокостью и ханжеством, так сказать, для личного удовлетворения и интеллигентского самооправдания, но и с лицемерной защитой нерусских детей, подвергшихся учительской жестокости, и намеренной жестокостью к детям русским? Вот в этом и зарыта собака. Темы и идеи работ звёздной пары были различны, но везде их хребтом было отношение к человеку, ребёнку как вещи, кирпичику, советскому быдлу. Уже в ельцинские годы социолог Е. Панова писала работы по сочинениям учеников, проливая крокодиловы слёзы. «Счастья на свете мало, но оно всё-таки есть!», цитировала она детские слова. Слова серой массы, быдла, которому якобы нужен хозяин, сильная рука, а как этого достичь – дело нашего, номенклатурного, а не его ума. Сколько авторов подобных детских изречений гниёт в психушках, на зоне или в виде муляжей по вине такой «кочки зрения»! Помните, что за конкурсами юных талантов, отбором вундеркиндов стояло желание номенклатуры отсеять «не наших»!

Примерно сто лет назад номенклатура, главенствующие группы общества в силу причин, не относящихся к теме данного разговора, дистанцировались от своей роли в социально-экономическом развитии общества, стали произвольно определять свои потребности и общественные ценности. Попросту говоря, формула «я начальник, ты – дурак» стала абсолютной. И самым страшным последствием этого явился социализм, советская власть.

Как ведёт себя тот, кто всерьёз поверил в непреложность «советской правды» и отождествил себя с нею? Правильно, это – Большой Хам по определению Мережковского. А короче – хулиган, превращающийся в алкаша, наркомана и тому подобное.

Чем больше хулиганов, тем больше лагерной массы, поддерживающей основу советской экономики. Вот какова задача «воспитания советского “патриотизма”!»! А интернационализм на словах и формальный патриотизм лишь помогают отчуждению от активной общественной роли не только русских, но и любого, кто так или иначе способствует устойчивому равновесию России, и её гибкому, мобильному развитию. Как человек, на себе испытавший советскую русофобию, я могу сказать, что 1991 год принёс нам, русским, хотя бы ВОЗМОЖНОСТЬ борьбы за наши права. Иное дело, победа-1991 была односторонней: все, кто хотел для себя, т. е. номенклатуры, свободы и демократии, а для остальных – положения быдла, стали задавать тон в обществе по вышеуказанной формуле. Педагогические «изыскания» звёздной пары и ей подобных в советское время обеспечивали «сырьём» закрытые публичные дома для номенклатуры, обосновывая принципы отбраковки детей в «исправспецы», куда глядеть аполитично и аморально «честному советскому человеку». В ельцинское – стали схемой расчленения системы образования, подводя «научную» базу под создание школ для бедных. А сегодня – вытянули из небытия «комендантский час для несовершеннолетних», так ожививший милицкий и иной киднеппинг.

Помнится, я в 1992 году предложил одной «демократической» газете немудрёную схему лицензирования педагогов, уходящих работать в элитные школы. Суть её состояла в том, что лицензия должна выдаваться на условии обязательной отработки преподавателем «элитспеца» 1–3 учебных часов в неделю в общеобразовательной школе, чтобы обеспечить нижний (но не низший) уровень интеллектуального развития общества. Я указывал также на возможность забастовки старшеклассников как одного из подсобных средств решения этого вопроса, если возникнут бюрократические неувязки. Поскольку всё неизбежно решают взрослые, то это фактически создало бы местное самоуправление в лице синхронно действующих родительского и учительского коллективов. В 1992 году ещё сохранялась активность всех и каждого, и в моём несчастном проекте говорилось, что быстро улетающая ретивость тинейджеров, если она не будет использована в течение предстоящего, 1993 года, обернётся, мягко говоря, молодёжным экстремизмом. Вскоре так и вышло.

Ведь не ради «серенькой мышки» трудилась не афишировавшая себя педагогическая «коммунобуржуазия», опекавшаяся при советской и постсоветской власти не только интеллектуалами – теоретиками и практиками, но и, как модно говорить, представителями силовых структур.

И властям как нельзя кстати пришлась эта пара, во имя номенклатуры и её представлений умело отшивавшая маленькие, но такие тяжёлые мелочи жизни от «жизни большой страны». С нею чета была на короткой ноге, отмеряя свои претен-

зии к Родине в лучшем случае своим личным разумением. Именно в психологической проблематике «совок» прятал порождённые им общественные проблемы, не скрывая, однако, своего окрика на всех и вся: «Исполняй долг!». А ведь человеконенавистническое государство, презиравшее права личности, трактуя оные в свою пользу, увы, не погибло в 1991 г. До полного износа стареющего мозга оба интеллектуала охотно давали неофициальные советы представителям советской номенклатуры, оклемавшейся после ударов 1991 и 1993 гг., как лучше подавить сознание освободившегося народа, взрослых и подрастающего поколения. Но обоих оставили один на один с жестокой жизнью, едва они стали отработанным материалом.

Этот яд не пощадил ни звёздную пару, ни наследника. Точнее, наследницу.

Лена Мороз родилась в Иркутске в марте 1951 года. Реабилитированный отец вернулся в Москву с семьёй в 1958-м. В детстве всё кажется мёдом, даже то, что ты – дочка ре...реп...рессированного. А отрочество? Оно спрашивает с нас по-взрослому. Застала она маму и папу «с чужими», точнее, с коллегой, педагогическим столоначальником, сделала своё – не бунтарское, а по-детски доброжелательное замечание: «Мам, пап, нельзя так!». И оба «гуманиста», ненавистники телесных наказаний, отбив ей почки, сдали в психушку, напоров в историю болезни дочери чего не набредёт. А серьёзные психотропные препараты разрушают не столько ум, сколько... Половое желание мужчины слабеет, женское становится неодолимым. Девушка проникала в мужское отделение, где становилась добычей сразу четверых.

Лошадиные дозы одобренных Минздравом снадобий приводят к зависимости от зелий, уголовно наказуемых. Лена устояла перед соблазном «глюка». Перед соблазном телесного кайфа – увы! Стыдилась, изо всех сил скрывая от общества – ведь тоже работала педагогом! привязанность к наркоману, лежавшему в соседнем отделении, и оказавшемуся соседом по месту жительства.

И – не просто любила маму, а воспевала в стихах:

«Ходить по острому стеклу, как по паркету...»

Что же ты, папа, такой оптимист, и часто – человек определённо положительный, не видишь очевидное!

Пришла осень 1993 года. Депрессия Лены – беспомощной, и депрессия мамы – самонадеянной: номенклатурщица же! Ушла Лена к соседу-наркоману, этой живой верёвке, петле. ВЕРЁВКЕ, ПЕТЛЕ....

1995 год. Не по дням, а по часам съеживались лёгкие Самуила. Депрессия и равнодушие жены...

Отца, как и дочь, похоронили богатые коллеги. И не стоит осуждать Евгению, выдумавшую, что «мою Лену убили русские фашисты, за то, что она еврейка», и возносившую кинутого мужа во всех

возможных с позиций её мировоззрения смыслах. Катастрофа всегда – катастрофа.

Что можно сказать? Так называемый «совок» прежде всего – не-родитель и не-воспитатель. Подлец может оказаться честным, дурак – умным, тунядец – работягой, но всё это бессмысленно при установке на безродность – себя и общества, особенно если прикрывается пустословием вроде «наш единственный привилегированный класс – это подрастающее поколение». А номенклатура, особенно далёкая от остального общества в нашей стране, легко превращает идеи гуманизма, прав личности, равенства и дружбы народов в придаток человеконенавистнического государства. И гибнут, гибнут её отдельно взятые представители, гибнут лучи света во имя целей и задач тёмного царства. Даже после его конца. Ведь влиятельные поклонники тьмы не ждут – действуют. Попытка противопоставить советских силовиков-деспотов как «фашистов» якобы свободным, хоть и прихотливым псевдоинтеллектуалам гибельна. Как апеллируют наследники ЧК с их эгоистично понимаемыми принципами к державе как стойлу! И, как видим, страдают и гибнут сами. Джентльменский набор мнимой национальной политкорректности, принятой сегодня, удивительно совпадает с установками чисто советской номенклатуры, и её попытками решить всё с помощью представителей силовых структур, не считаясь с законом. Вольное обращение с реалиями национальных отношений придаёт национальному недоверию ещё большее политическое звучание: номенклатура же играет!

Сегодня у российской демократии есть два пути: либо, исходя из приоритета свободной личности и элементарной справедливости, преодолеть интеллигентские представления о вышеназванном «джентльменском наборе» как о чём-то неприкосновенном, как минимум признав существование не вписывающихся в него проблем, о которых часто говорят некорректно и из малосимпатичных уст. Либо засохнуть под гнётом номенклатуры, всё более нагло предъявляющей свои претензии, апеллируя к правам личности и равенству людей. Такие апелляции номенклатуры лишь обостряют сегодняшние проблемы России – социальные, национальные, иные.

Советский режим пытался создать «народ-маугли», зверя, не осознающего, что он зверь, и воспитан зверями по звериным понятиям. Социализм террором, голодоморами и войнами довёл сознание народных масс до мировосприятия дикаря. А когда само развитие человеческого общества поставило на повестку дня создание приемлемых условий жизни для большинства населения, тирания, частично осудив «культ личности», стала насаждать миф о «святой советской правде». Поскольку большинство из тех, кого коммунисты и иже с ними считают героями, являются нечто недостойным, мало-

значимым или проявившимся в каком угодно, но совсем ином смысле, неизбежное столкновение мифа с правдой окончательно превращает беспомощное существо в скота-циника. Помои для него – высшее, ибо их даёт Власть, в помоях всё едино: добро и зло, А и Б. Помните сказки Евгении Пановой насчёт обстоятельств гибели дочери и мужа? Но ведь «воспитатели» де-факто берут на себя роль «зверей». А роль «зверя» в человеческом обществе не даёт тебе быть человеком, даже когда это тебе нужно. Евгения Панова, по-звериному мстительная, жестокая к своим родным или идейно чуждым, была, при всех своих связях беззащитна, как животное, перед претензиями вороватых соседей на её квартиру...

Но и тот, кто из благих намерений освободить Россию от американского влияния или остатков марксистского ига поднимает на щит не одних, так других советских вождей, апеллирует не к одним, так другим советским ценностям и спорным достижениям советского безвременья, также невольно берёт на себя роль зверя. Помните, что у социализма, какими бы непохожими были его компоненты, ориентир один – стойло и помои? Или Хам – Большой или один из миллионов хулиганов, подпитка лагерной экономики. Обманутые люди, требуя сплотиться вокруг «нашего советского прошлого», обманывают других. Идущие под красным знаменем придут не к счастью и свободе Родины и народа, а только к русофобии в пользу «коммунобуржуазии», и что особенно важно сегодня, её чисто буржуазных пособников. Годы, прошедшие после падения марксистского ига, показали: угнетённые (или силы созидания) не могут подогнать свои потребности под социалистический ранжир, а угнетатели (или террористы, разрушители и им подобные) – запросто.

Будем надеяться, что нас обойдут большие катастрофы, похожие на кошмары времён Гашира Мороза. Но как же многим хочется дёшево и сердито разрешить все вопросы: загнал массы в стойло, и порядок. Только при этом уже ничьим детям и внукам ни сидеть, ни лежать не пришлось бы: некому и не от кого было бы рожать. Но Господь не допустит такого. А разве сегодня потерянное страной, обществом время, время жить не причина жизненных драм! Лена Мороз...

Озарения не перестают быть озарениями лишь только потому, что кого-то они озарили в бездне. Но только общество, те, кто входит в жизнь, видят в таких лучах света не людей, когда-то живших, а в лучшем случае героев или антигероев, озарения и слёзы на тропинки Ада прошлого, виновного в сегодняшних слезах, поучительный Дантов Ад. Абстракцию, гениальную, но всего лишь абстракцию. Им жить хотелось, и нам хочется. Впрочем, хоть счастья в жизни мало, но всё же оно есть!

Сергей Маркедонов

Армения и Турция

Армяно-турецкие переговоры, интенсифицировавшиеся после «исторического визита» президента Турции Абдуллы Гюля в Ереван 6 сентября 2008 года (первого официального визита главы этого государства в независимую Армению), вызывают у политиков и дипломатов повышенный интерес. Этот интерес поддерживают представители официального Еревана и Анкары, повторяющие время от времени тезисы о прогрессе в двусторонних отношениях. Так 16 апреля 2009 года на заседании Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) в Ереване министр иностранных дел Армении Эдвард Налбандян заявил, что уже в ближайшее время стороны смогут прийти к устраивающему их соглашению. Практически параллельно с заявлением своего армянского коллеги глава МИД Турецкой Республики Али Бабаджан отметил, что в отношениях его страны и Армении «намечился прорыв»: «Наши переговоры продолжают длительное время. Мы уже достигли существенных успехов, обе стороны удовлетворены переговорным процессом».

И, наконец, в ночь на 23 апреля 2009 года Министерства иностранных дел Армении и Турции, а также департамент иностранных дел Швейцарии (занимающийся посредничеством между сторонами) заявили об установлении «Дорожной карты» в переговорном процессе по нормализации армяно-турецких отношений. Однако пока стороны не достигнут каких-либо конкретных соглашений (будь то установление дипломатических отношений или открытие 350 километров сухопутной границы, возможное и как предварительное условие для открытия посольств) о сенсации говорить преждевременно. «Дорожная карта» – это еще не нормализация. Тем паче, что окончательного текста «карты» мы еще не видели. В СМИ публикуются возможные варианты, которые вскоре опровергаются. Как бы то ни было даже после публикации полного ее текста по своей стилистике «Дорожная карта» будет просто декларацией. Важной с точки зрения динамики двусторонних отношений. Но от этого она не превратится в юридически обязывающий для Анкары и Еревана документ.

Как говаривал в свое время популярный кинорежиссер Глеб Жеглов, есть одна улика, которая может перевесить сотню других. В случае с Анкарой и Ереваном это означает тот эмоционально-психологический фон, который может перевесить сотни рациональных аргументов в пользу улучшения двусторонних отношений, таких, как

преодоление изоляции Армении, выход турецкого бизнеса на армянский рынок и армянского на турецкий, определенный разрыв тесных связей «Россия-Армения» и «Турция-Азербайджан», диверсификация внешней политики. На сегодняшний день двум странам действительно есть, что изменять. Во-первых, говоря о прогрессе, следует иметь в виду, прежде всего, установление дипломатических отношений между Турцией и Арменией. Во-вторых, помимо официальных дипломатических связей важно открытие сухопутной границы (что теоретически возможно и без формального открытия посольств в качестве «первого шага навстречу»). Сегодня Анкара осуществляет сухопутную блокаду Армении (350 км. границы были закрыты в 1993 году во время войны в Нагорном Карабахе). В то же время самолеты между Турцией и Арменией летают (рейс Ереван-Стамбул был открыт в 1996 году). Турция поддерживает позицию Азербайджана в конфликте из-за Нагорного Карабаха, участвует в подготовке азербайджанского офицерского корпуса, реализует транспортные проекты в обход Армении (железнодорожный проект Баку-Ахалкалаки-Тбилиси-Карс), а также отрицает на официальном уровне геноцид армян 1915 года.

Впрочем, в союзном Турции Азербайджане даже полунамеки на возможность открытия границы рассматриваются едва ли не как предательство «тюркского братства». По словам Махмуда Махмудкулиева, заместителя главы МИД Азербайджана, любой прогресс в армяно-турецких отношениях неотделим от карабахской проблемы. «Восстановление связей между этими двумя странами может быть связано только с разрешением карабахского конфликта. Армяно-турецкие связи были прерваны из-за него, основной причиной этого была оккупация армянской стороной азербайджанских районов», – резюмирует азербайджанский дипломат. Таким образом, третьей по важности проблемой является компромисс по Карабаху. Однако в этой связи надо отметить: как бы ни были близки позиции Баку и Анкары, они все же не являются тождественными. На официальном уровне этого никто не признает, а на экспертном вопросов задается немало. Несколько лет назад на официальном сайте НАТО турецкий исследователь Бурджу Гюльтекин опубликовала работу под названием «Перспективы регионального сотрудничества на юго-восточных границах НАТО: развитие турецко-российского сотрудничества на Южном Кавказе». В этой работе Бурджу Гюльтекин утверждает, что турецкая политика является заложницей взаимоотношений с Азербайджаном. По ее мнению, «открытие границ может способствовать улучшению имиджа Турции в армянском обществе, вывести взаимоотношения

* Сергей Маркедонов – зав. отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа, кандидат исторических наук, доцент РГГУ.

между двумя странами из сегодняшнего кризисного положения». Таким образом, и в турецком экспертном сообществе (настроенном традиционно проазербайджански) зреет мнение о том, что нынешняя экономическая блокада Армении, мягко говоря, не способствует региональной стабильности.

Вместе с тем, не следует искать в мотивах официального Еревана и Анкары какого-то альтруизма. Их стремление к «прогрессу» диктуется рациональными соображениями. Для Армении – это преодоление своей нынешней изоляции с двумя окнами в мир. Притом, что оба окна чрезвычайно ненадежны. Одно – Грузия зависит от всей динамики российско-грузинских отношений, а второе, Иран – от иранско-американских. Любой кризис или ухудшение отношений «окон» с ведущими мировыми державами бьет (прямо или косвенно) по интересам Еревана. Открытие же границы позволит диверсифицировать и экономические контакты, снизить зависимость и от крупного российского бизнеса, и от экспорта через Грузию. Уже сегодня, по словам руководителя Турецко-Армянского Совета по развитию бизнеса Каана Сояка, объем товарооборота между двумя странами (с учетом целого ряда особенностей, как, например, долгие объезды через Грузию) составляет 100-120 млн. долларов США. Следовательно, и Турция имеет здесь свой экономический интерес.

Однако эти прагматические интересы лежат не только (и не столько) в сфере экономики. Для Армении же открытие границы – это, прежде всего, политический шаг. Об издержках для армянского бизнеса (который может и не выдержать конкуренции с турецким) не раз писали экономисты. Однако потепление с Турцией позволяет Еревану отделить актуальный нагорно-карабахский конфликт от всего спектра армяно-турецких отношений. Такой сценарий чрезвычайно ослабит позиции Азербайджана, фактически лишит его даже теоретических перспектив силового реванша. Впрочем, и у Анкары есть свои политические резоны. Для нынешнего премьер-министра Турции «умеренного исламиста» (или исламского демократа) Реджепа Эрдогана «европеизация» стала одним из краеугольных камней его внешнеполитической стратегии. Таким образом, не только Ереван заинтересован в облегчении своей изоляции, но и туркам требуется продемонстрировать свое новое «европейское лицо». В Анкаре также всеерьез опасаются, что после победы Барака Обамы на президентских выборах в США самая проармянская администрация в истории Штатов, наконец, признает геноцид 1915 года. А потому процесс можно затормозить, показав, что армяно-турецкие отношения уже «на мази», а потому признание геноцида политически не будет рентабельным. Его можно будет отложить до «лучших времен», мотивируя это позитивной динамикой отношений Анкары и Еревана. Учитывая, что сегодня армяно-турецкие отношения переживают серьезное ис-

пытание на прочность, такой резон нельзя игнорировать.

Отчасти традиционная ежегодная речь президента США 24 апреля (в День, отмечаемый армянами всего мира, как геноцид) подтвердила данный прогноз. Выступая по «армянскому вопросу», Барак Обама не называл события 1915 года геноцидом, но использовал для определения этой трагедии армянскую дефиницию «Мец Егерн» («большое преступление», «большая резня»). Таким образом, был найден компромисс – принятое в международном праве определение заменено дефиницией, принятой в армянской историографии и общественной мысли. Шаг вперед сделан (прежние президенты США говорили больше просто о гуманитарной трагедии, массовых убийствах), но и геноцидом события не названы. И это – также следствие Дорожной карты от 23 апреля 2009 года.

Между тем, в независимой Армении (и, что очень важно, в армянской диаспоре, «спорке») трагедию 1915 года однозначно определяют, как геноцид. Как справедливо считает ереванский эксперт Александр Искандарян, «сказать, что вопрос признания геноцида является предметом внутривнутриполитических разногласий, было бы неверно, так как в армянском политическом ландшафте нет сколько-нибудь существенных политических сил, рассматривающих эту проблему другим образом». В Турции мы можем увидеть более широкий спектр подходов, от полного отрицания и возложения вины за трагические события начала прошлого века на армян до поиска серьезной котраргументации, позволяющей говорить об ответственности Османской Порты, но не современной Турецкой Республики. Сторонники жесткого юридического разделения ответственности имперской и республиканской Турции называются в национальной историографии «либералами». По словам профессора Халила Берктая, «это очень серьезный вопрос. Это ошибка со стороны Турецкой республики. Турция никак не определится по поводу своего политического и правового отношения к Османской империи. Турция не вполне осознала и не до конца усвоила тот факт, что она свергла старый османский порядок и на его месте установила современную республику. Здесь заключается очень серьезное противоречие. Республика не несет ответственности за эти события. Турецкая республика сегодня может сказать одну очень простую вещь: республика была основана в 1923 г. Эти события произошли в 1915 г. Армия Турецкой республики и ее государственные институты не причастны к этим событиям. Турецкая республика – это новое государство. С правовой точки зрения, она не является преемницей ни османского правительства, ни правительства партии «Единение и прогресс» (известная, как «младотурки» – С.М.). По мнению же других турецких специалистов Бюлента Араза и Хавва Каракаш-Келеша, система надэтнических ценностей, выстроенная в Турецкой Республике, начиная с момента ее

основания Кемалем Ататюрком, не позволяет вести речь об «этнонациональном многообразии». Следовательно, в этой ситуации крайне сложно акцентировать внимание на эксцессах по отношению к разным этническим меньшинствам, как в прошлом, так и в настоящем. Относится это не только к армянам, но и к грекам Малой Азии, ассирийцам или курдам.

Между тем, в самой Турции в последние годы сделаны некоторые подвижки по «армянскому вопросу». С одной стороны, можно вспомнить убийство в Турции в 2007 году армянского журналиста Гранта Динка. Но с другой стороны, нельзя не принять в расчет ту негативную реакцию и властей, и общества Турции, которые проявились после убийства. Само это убийство было расценено, как вызов Турецкой Республике. Такую оценку этой трагедии дал турецкий премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган, а на митингах люди несли лозунги «Я – армянин». Можно вспомнить также и о восстановительных работах на территории армянского средневекового монастыря на острове Ахтамар (однако армянские реставраторы туда не были допущены). Важным фактом также является публикация работ армянских и турецких (в частности, Танера Акчама, проживающего сейчас в США) авторов, в которых напрямую затрагивается тема геноцида. В турецких университетах в последние годы можно встретить лекторов этнических армян, которые анализируют историографию столь сложного и актуального вопроса (наиболее известным примером являются лекции профессора Мичиганского университета Рональда Григора Суни). Еще несколько лет назад такое было представить себе невозможно.

Однако, несмотря на определенную «перестройку» на армянском направлении, Турция до сих пор негативно реагирует на любые декларации, решения, заявления официальных лиц разного уровня, представляющих иностранные государства. Днем геноцида армянского народа принято считать 24 апреля (день, когда в 1915 году младотурецкий триумвират приказал собрать в Стамбуле представителей армянской интеллигенции и депортировать их). Накануне этого дня официальная Анкара каждый год «сосредотачивается» в ожидании ответа на вопрос: «Кто же будет следующим?» Речь идет об официальном признании геноцида армян Османской Порты. На сегодняшний день геноцид армян признало 20 государств, включая Россию, Францию, Аргентину, Канаду, Грецию, Кипр, Уругвай. В 1987 году резолюцию о признании геноцида принял Европейский парламент.

Нынешний год также не стал исключением. 19 апреля нынешнего года спикер Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси снова подтвердила свою решимость добиваться признания геноцида на общенациональном уровне. Между тем две недели назад Гавайи стали 42-м штатом, признавшим геноцид армян. 20 апреля 2009 года в дру-

гой части мира городской совет болгарской столицы Софии принял резолюцию о признании геноцида. На общенациональном уровне такое решение было бы крайне затруднено, если принять во внимание турецкий фактор во внутренней политике Болгарии. Согласно болгарской Переписи населения 2001 года 9,4 % населения страны составляют этнические турки, а партии, представляющие интересы турецкой общины («Движение за права и свободы» и другие) блокирует принятие резолюции по геноциду армян в болгарском парламенте и правительстве.

Таким образом, география признания расширяется и перспективы присоединения к списку признавших США также велики. И официальному Еревану вряд ли имеет смысл идти на уступки по этому вопросу, если в мире есть немало стран и групп (как, например, Курдский парламент в изгнании), готовых принять его версию событий. В этой связи возникает резонный вопрос: «А пойдет ли Анкара на компромисс по открытию границы, установлению дипломатических отношений, если Ереван не элиминирует вопрос о геноциде из своей внешнеполитической повестки дня?»

На первый взгляд, Анкара могла бы с блеском разыграть карту «прощания с прошлым». Достаточно было просто развить тезис турецких историков «либералов» о том, что между республикой и империей нет никакой правовой преемственности (а это одна из ключевых идеологем Турции, начиная со времени основателя республики Кемала Ататюрка) и осудить проклятое «османское прошлое», во времена которого геноцид армян был возможен. Более того, Анкара могла бы принять «пас» официального Еревана, фактически отказавшегося от территориальных претензий на Западную Армению, находящуюся сегодня под турецкой юрисдикцией. Признав сегодня геноцид армян в 1915 году, Анкара могла бы закрыть его окончательно. Речь идет об отрыве территориальной проблемы (и проблемы реституции) от самого факта признания геноцида армян. Однако вопрос о геноциде – это не спор историков, а актуальная внешнеполитическая проблема.

В этой связи следует понимать, что турецкие дипломаты попытаются превратить ее в предмет политического торга. Скорее всего, официальная Анкара, стратегический партнер Азербайджана, так и поступит. Мы Вам – признание геноцида, а Вы нам – уступки в «карабахском вопросе». А потому пока сама атмосфера двусторонних армяно-турецких отношений напоминает знаменитую формулу Ицхака Рабина в период интенсификации ближневосточного урегулирования: «Вести переговоры так, как будто нет никакого террора и бороться с терроризмом так, как будто нет никаких переговоров». Турецкая сторона говорит о мире, но 20 апреля 2009 года премьер Турции Реджеп Тайип Эрдоган заявил СМИ, что до урегулирования конфликта в Карабахе граница не будет откры-

та. По словам же главы МИД Армении улучшение отношений с Турцией не может поставить под вопрос факт геноцида армян в 1915 году. Следовательно, надо признать, что «Дорожная карта» – это еще не сама нормализация, а провозглашение намерений начать такой процесс. Можно вспомнить,

что в истории ближневосточного, кипрского или приднестровского урегулирования данное словосочетание уже появлялось. Однако верной дороги палестинские и израильские, греческие и турецкие, молдавские и приднестровские товарищи пока так и не нашли.

МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Елена Тимофеева

«Стодуюмовками глоток старье расстреливай!»

СУДЬБА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЦАРСКОЙ РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Никакое государство не может претендовать на величие, если не получило от искусства грамоты на цивилизацию.

Р. Базен

Знакомая с историей и культурой страны, мы в первую очередь судим о них по литературным источникам, архитектурным памятникам, оставшимся нам в наследство от предыдущих поколений, по предметам искусства и старины, хранящимся в музеях. Каким образом создавалось это культурное наследие, как оно дошло до наших дней – эта история достаточно сложная. Художественная история, история коллекционирования в Европе имеет более длинные корни, чем в России. Первые музеи появились уже в эпоху Возрождения, а задолго до этого уже на заказ создавались предметы искусства, живопись, ценилась прекрасная архитектура. В свое время все это произвело огромное впечатление на Петра I, и именно благодаря ему, уже в начале XVIII века в России было положено начало новому и необычному занятию – собирательству всего самого интересного и оригинального, а также коллекционированию предметов искусства. В 1714 году основывается первый музей – Кунсткамера. Через четыре года появляется царский указ: «Ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи, а именно: камня необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, ...также какие старые подписи на камнях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, таков бы приносили, за что давана будет довольная дача...». Этот указ около 200 лет сохранял юридическую силу и вошел в «Полное собрание законов Российской империи». Вскоре появятся еще два – и можно сказать, что это были первые законы в Российской империи, сформулировавшие необходимость ценить и бережно относиться к предметам и памятникам искусства. Через несколько лет Оружейная палата в Москве станет вторым государственным музеем – собранием исторических

памятников и археологических редкостей. Академия наук начнет собирать сведения о церквях и монастырях России, их историю, а Екатерина II, продолжая это начинание, потребует создать подробное описание их имущества. Отношение к предметам искусства, как к чему-то ценному, дорогому и прекрасному заложено было именно во время правления Екатерины II. В конце XVIII строится Петербургский фарфоровый завод, заканчивается строительство Зимнего дворца, и царица, желая ни в красоте, ни в лоске не уступать европейским дворам – парижскому, венскому – выписывает из Европы мебель, фарфор, бронзу. И создает первую картинную галерею в нашей стране – Эрмитаж. Одновременно с этим появляются частные коллекции придворной знати, достаточно обширные, а также первые придворные художники – Рокотов, Боровиковский, Левицкий. Идет накопление культурного фонда страны. Постепенно растет интерес к сохранению предметов искусства, желание обезопасить их, передать последующим поколениям. Конечно, побудительные причины были самые разные, и большей частью не бескорыстные. Спустя почти пятьдесят лет Комитет министров уже рассматривал вопросы о сохранении памятников искусства и старины, проводились первые раскопки по всему Причерноморью. Создаются археологические общества, в частности в 1839 году – Одесское археологическое общество, в 1846 – Петербургское, ставшее впоследствии ученым собранием. Собираются сведения о сохранившихся исторических зданиях, необходимости их реставрации, благодаря чему в 1839–1841 годах были созданы «Материалы для статистики Российской империи». Все это подчеркивает укрепившийся интерес к предметам истории, желание изучить их, ведь Россия имела так много своего неизведанного: и развалины греческих городов –

полисов, и скифские курганы, и древние церкви Новгорода, Киева, Пскова, Владимира с уникальными фресками и иконами. Конечно, желание ученых знать историю страны было велико, но также были велики и чиновничий аппарат и несовершенные законы. Что говорить, когда даже Николай I весьма своеобразно относился к искусству: им выпускается циркуляр о переписи и строжайшем запрете на разрушение исторических зданий: крепостей, замков и т.п., строится здание Нового Эрмитажа и одновременно с этим: «По приказу самодержца были сожжены многие драгоценные рукописи и мемуары членов царской семьи. ...Осуждая все, что было сделано Екатериной II, Николай Павлович стремился смести всякие следы этого, на его взгляд, “недостойного прошлого”; посему, в частности, было переплавлено свыше девяноста пудов редчайшего серебра времен его бабки. Однажды, идя по Эрмитажу, царь остановил взгляд на мраморной статуе Вольтера. “Истребить эту обезьяну”, – сказал государь, и работа великого Гудона не погибла лишь потому, что, по тайному приказу графа А. Шувалова, она была спрятана в подвалах Таврического дворца. ...Среди всеобщего рабования входили в обычай кощунственные распродажи. Включенные в отборочную комиссию профессора Бруни и Басин не перечили императору, который на “смотре” 31 августа 1853 г. оценил достоинства множества полотен, “...и изволил собственноручно сделать каждой картине назначение”. Впоследствии специалисты пришли к выводу, что это “назначение” большей частью было пагубно. Но понимание пришло к ним слишком поздно: тысяча двести девятнадцать картин, почти половина сокровищ Эрмитажа, была продана на аукционах за гроши. В среднем по четырнадцать рублей платили за произведения Рембрандта и Рубенса, Тинторетто и Риберы, Ан. Каррачи и Гв. Рени, других выдающихся мастеров...».

Для того чтобы сохранить накопленное и передать потомкам, мало что делалось, зато быстро выросло число коллекционеров – в основном из-за растущих цен на искусство и предметы старины на международном антикварном рынке. Собираание предметов старины стало занятием модным, и только немногие из собирателей – Носовы, Щукины, Морозовы, Терещенко, Гиршманы старались не только вложить свои средства в выгодное приобретение, но и изучить и сохранить их. Ими создаются уникальные частные музеи, так как коллекции их уже стали конкурентноспособны собраниям Эрмитажа, Русского музея, Третьяковской галереи. Выпускаемые ими печатные каталоги собственных собраний открывали описанные предметы искусства для научного изучения.

В это же время – на рубеже XIX–XX веков в естественной науке происходит настоящая революция. От пара и угля человек переходит к электричеству. Появляются автомобили, метро и трамваи, кинематограф. Все это ускоряет ритм жизни. Рост

грамотности и демократизации населения (преимущественно на Западе), приводит к своеобразному кризису – как в политической (относительная слабость власти, нарастающие противоречия внутри нее); так и в культурной жизни (традиционные направления и течения меняются на более революционные по форме – символизм, модернизм, авангардизм и т.д.).

По темпам промышленного производства в 90-х годах XIX века Россия прочно входит в пятерку крупнейших индустриальных держав мира по абсолютным объемам производства. В России действует рыночная система, адекватная западной по динамической мощности, и даже местами превосходящая ее: в 1861–1900 годах объем промышленной продукции вырос в 7 раз (в Германии – в 5, а в Англии – в 2 раза), по уровню показателей промышленного производства Россия достигает уровня Франции, а по добыче нефти прочно занимает первое место. Россия является одним из крупнейших производителей зерновых и дает примерно до 1/3 мирового экспорта пшеницы. К началу XX века в России полным ходом идет промышленный переворот, но вместе с тем до полной индустриализации страны еще очень далеко, и аграрные реформы также не завершены.

Именно в таком положении и находится Россия до «переломного» февраля 1917 года.

Новое время

Монархическому правлению в России приходит конец. Политическая нестабильность за короткое время приводит к нестабильности экономической. Страну волнуют вопросы войны и мира, наступивший продовольственный кризис.

Первыми беспокойство по поводу сохранности многочисленных музеев и памятников культуры проявила близкая к искусству интеллигенция. Поводов для беспокойства было предостаточно: за один только май разграблены дворцы в Царском Селе, Павловске, Петергофе, Ораниенбауме, дворец герцога Лейхтенбергского и один из залов Сената в самом Петрограде. Но культурным ценностям угрожало не только разграбление, а элементарное уничтожение полупьяной толпой вместе с ненавистью и завистью к ушедшему миру. Напуганные начавшейся революцией помещики оставляют усадьбы, и все чаще доходят сведения о разорении и гибели дворянских гнезд. Крестьяне самовольно делят не только помещичью землю, инвентарь, но и имущество, среди которого – старинная мебель, библиотеки, фамильные портреты. Особая опасность угрожала семейным архивам, которая не представляла для неграмотного крестьянина никакой ценности. Инициативная группа, среди которых были художники – А.Н. Бенуа, И.Я. Билибин, К.С. Петров-Водкин, певец Ф.И. Шаляпин и др., во главе с Горьким, объявляют себя комиссией по делам искусства – и выпускают обращение

к гражданам с призывом беречь и охранять свою историю: «...Граждане, берегите это наследие, берегите дворцы, они станут дворцами вашего всенародного искусства, берегите картины, статуи, здания – это воплощение духовной силы вашей и ваших предков...». Их инициативу власти поддержали – и официально им было предложено называться Особым совещанием по делам искусств. Эта комиссия официально действовала около месяца, успев сделать совсем немного – их сменила другая группа, назвавшая себя Союзом деятелей искусств, под председательством молодого архитектора А.И. Таманова.

После установления советской власти судьба памятников искусства и старины была тем более непонятна. Гражданская война, голод, резкое падение уровня производства, беспорядочная демобилизация рабочих, плюс безработица характеризовало состояние страны. Да еще и пресса, выражая взгляды, как не прискорбно это признать, в большинстве своем малограмотного, но уверенного и способного на решительные действия поколения огромными тиражами выпускает подобного рода обращения (стихи рабочего В. Кириллова):

*Мы во власти мятежного, страстного хмеля;
Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты».
Во имя нашего Завтра сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.
Да и сам Маяковский писал в это время:
Белогвардейца
Найдете – и к стенке.
А Рафаэля забыли?
Забыли Растрелли вы?
Время
Пулям
По стенам музеев тенькать.
Студиймовками глоток старье расстреливай!*

Хотя, возможно, это скорее всего был всего лишь эпатаж – своеобразная эйфория от произошедших перемен, от возможностей будущего, но в то же время для многих это было своеобразным руководством к действию. Действительность выглядела следующим образом: отсутствие законов в стране спровоцировали появление массы авантюристов, мелких и крупных жуликов и воров, быстро находивших применение тому, что плохо лежит. В газете «Новое время» было размещено объявление: «Анонимное американское общество ассигновало 20 миллионов долларов для скупки в России старинных художественных вещей из золота, серебра, а также картин, бронзы, фарфора и вообще предметов искусства». Был разграблен Зимний, причем много из украденных вещей было обнаружено у уезжавших иностранцев. Пользуясь случаем, иностранцы массово скупали самые различные предметы искусства – а их сейчас на рынке было изобилие – и за бесценок. Распродавалось многочисленное церковное имущество – иконы, складни, панагии и т.д., частные коллекции – этому способствовал голод, да многие

уже не надеялись сохранить свое состояние или увезти его за границу. В газете «Петроградский голос» 20 марта 1918 года была опубликована статья под страшным по смыслу заголовком – «Распродажа Петрограда»: «За все время существования Петербурга не было в нем таких распродаж имущества, какие происходят теперь. Распродаются богатейшие специальные библиотеки по законоведению, медицине, архитектуре и т. д. и т. д., распродаются целые галереи картин, редкие коллекции, обстановка, утварь и пр. Распродаются не столько за отъездом, сколько из нужды в деньгах. Есть ли покупатели? Да, есть, но исключительно – в лице комиссионеров, действующих по поручениям из Берлина, Лондона, Нью-Йорка и городов других государств. Все, что покупается, будет в свое время вывезено за границу». От Комиссии по охране памятников искусства и старины (сформированной Союзом деятелей искусств) идут письма в правительство страны о просьбах запретить вывоз предметов «особого художественного и исторического значения», а также о запретах на отчуждение архитектурных памятников искусства, на необходимость пресечь «утрату культурных сокровищ народа». Словом, все, как и прежде, упирается в отсутствие нормального законодательства, определившего бы положение памятников искусства, отношение к ним государства.

7 ноября (25 октября) 1917 года Петроградский военно-революционный комитет счел крайне необходимым назначить комиссаров по защите музеев и художественных коллекций, обязанности эти были возложены на Б.Д. Мандельбаума и Г.С. Ятманова. Под контроль были взяты Зимний (он был занят солдатами и матросами), Русский музей (оказавшийся в зоне боевых действий), дворцы в Ораниенбауме, брошенные художественные коллекции Шереметьевых, Строгановых и др. Планово изучается состояние дворцов столицы, хранивших художественно-исторические сокровища, помещений министерств – иностранного, финансов, военного и т.д. Комиссия беспокоится также о состоянии бывших усадеб, как подмосковных (Кусково, Михайловское, Остафьево), так и в Новгородской губернии, – в Псковской (Михайловское, Тригорское, Петровское), в Калужской (Полотняный Завод) и др. Наиболее уникальные вещи перевозятся в Эрмитаж, Русский музей. Взяты были также под охрану и частные коллекции. Но, несмотря на старания искусствоведов, сделанное было каплей в море, по-прежнему частным старанием горстки людей. В конце марта объединенная комиссия была переименована в Петроградскую коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса.

В Москве ситуация немногим отличалась от питерской – Кремль с Оружейной палатой, Александровский дворец, в который свозилось имущество из императорских резиденций (Беловежская Пуца,

Ловече (Польша)), Александровский дворец с эвакуированными ценностями из Эрмитажа и т.д. – эти сокровища остались без хозяина. Внимание властей на происходящее обратили рабочие и служащие имения князей Юсуповых Архангельское – они просили сохранить усадьбу, и обращали внимание на ставшие бесхозными художественные богатства. Именно это обращение повлияло на принятие московским военно-революционным комитетом (МВРК) решения о создании московской комиссии по охране всех научных, исторических и художественных ценностей. Но успехи комиссии, также как и в Петербурге были весьма незначительны – бесценные сокровища продолжали если и не гибнуть в огне погромов, то уходить из страны, причем вполне легально.

28 мая 1918 года, после предложения Луначарского – утвердить предложение петроградских искусствоведов о необходимости незамедлительно создать всероссийский орган, в структуре Наркомпроса РСФСР возник новый Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Возглавила его Наталья Ивановна Седова-Троцкая – человек, не слишком знакомый с искусством, но зато очень влиятельный, жена второго человека в государстве и партии – Льва Давыдовича Троцкого, наркома по военным и морским делам, члена Политбюро ЦК РКП(б). Ее заместителем (который, в сущности, и вел впоследствии всю основную работу) стал видный искусствовед, пять лет являвшийся попечителем Третьяковской галереи, художник Игорь Грабарь.

Первый шаг отдела – утвержденный 19 сентября 1918 года декрет «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения». Первый пункт нового декрета гласил: «Воспретить вывоз из всех мест Республики и продажу за границу кем бы то ни было предметов искусства и старины без разрешений, выдаваемых Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Петрограде и Москве при Комиссариате народного просвещения или органами, Коллегией на то уполномоченными». Согласно пункту второму: «Все магазины, комиссионные конторы и отдельные лица, производящие торговлю предметами искусства и старины, или посредники по торговле ими, а также лица, производящие платную оценку или экспертизу подобных предметов, обязаны регистрироваться в течение трех дней со дня опубликования сего декрета». С момента выхода декрета коллегия (он же отдел) ставила под контроль возможность всех происходящих незаконных сделок. Этот (подобного до сих пор не было) документ вскоре был подкреплен обращением к губернским, уездным и пограничным ЧК, принять решительные меры...

5 октября 1918 года вышел второй декрет «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении част-

ных лиц, обществ и учреждений». Отделу было предписано провести регистрацию всех памятников искусства, как в государственных, так и в частных коллекциях.

«Разорение, нужда, обнищание»

К 1920-м годам обстановка в советизированной стране была чрезвычайно тяжелой. Упадок промышленности и сельского хозяйства, угроза голода и эпидемий, многомиллионные людские потери, утрата золотого запаса, необходимость скорейшей демобилизации по причине невозможности материально поддержать армию – вот основные проблемы, с которыми столкнулось правительство большевиков.

«Разорение, нужда, обнищание» – так характеризовал сложившееся положение Ленин. Большевикам пришлось признать, что к экономическому и политическому кризису привела не только война, но и политика «военного коммунизма».

Население страны к 1921 году по сравнению с осенью 1917 года сократилось более чем на 10 миллионов человек, а промышленное производство уменьшилось в 7 раз. Запасы сырья и материалов были в основном исчерпаны. В стране выплавлялось 3 процента чугуна, нефти добывалось в 2,5 раза меньше, чем в 1913 году. Страна отставала от США по производству чугуна в 72 раза, по стали в 52 раза и добыче нефти – в 19 раз. Если в 1913 году Россия выплавляла 4,2 миллиона тонн чугуна, то в 1920 – всего 115 тысяч тонн. Это примерно столько же, сколько получали его в начале XVIII века при Петре I. Объем перевозок железных дорог составил 20% по отношению к довоенному. Сократились посевные площади, урожайность, валовые сборы зерновых, производство продуктов животноводства. Товарность сельского хозяйства упала в 2,5 раза.

В стране процветала преступность, детская беспризорность, свирепствовал голод, нищета, безработица. В 1921 году голодало около 40 губерний с 90-миллионным населением, из которого 40 миллионов оказались на грани смерти. От голода умерло 5 миллионов человек. Детская преступность, по сравнению с 1913 годом, выросла в 7,4 раза. Произошло резкое падение жизненного уровня и труда рабочих. В результате закрытия многих предприятий продолжался процесс деклассирования пролетариата. Люди покидали города и уходили в деревню, чтобы не умереть с голоду. Это привело к сокращению численности промышленных рабочих практически вдвое (1 млн. 270 тыс. человек в 1920 году против 2 млн. 400 тыс. человек в 1913 году). По мере того, как фронты гражданской войны отступали к границам страны, крестьянство начало все более активно выступать против продразверстки, реализуемой насильственными методами с помощью продотрядов.

В 1920 году в Тамбовской и Воронежской губерниях вспыхнули крестьянские восстания (как их именовали – «кулацкие мятежи» – «антоновщина»). Недовольство крестьян перерастало в настоящую крестьянскую войну: отряды Махно на Украине и «крестьянская армия» Антонова на Тамбовщине насчитывали в начале 1921 года около 50 тысяч человек. Общая численность отрядов, сформированных на Урале, в Западной Сибири, Поморье, на Кубани и на Дону, достигала примерно 200 тысяч человек. Первого марта 1921 года восстали моряки Кронштадта. Восстание в Кронштадте было подавлено, но крестьянские восстания продолжались. Эти восстания не были случайностью – слишком широк был спектр политических сил (от монархистов до социалистов) в «молодой Советской республике». Объединяло эти разрозненные силы стремление овладеть начавшимся народным движением и, опираясь на него, ликвидировать власть большевиков.

Курс на НЭП

В марте 1921 года на X съезде РКП (б) принимается курс на новую экономическую политику (НЭП). Введение НЭПа вызвало изменение социальной структуры и образа жизни людей. НЭП предоставил организационную экономическую свободу человеку, дал возможность проявить инициативу и предприимчивость. В стране повсеместно создавались частные предприятия, на государственных предприятиях внедрялся хозрасчёт, шла борьба с бюрократизмом, административно-командными методами. Введение продналога в деревне дало возможность широкому развитию сельского хозяйства, а в 1923 году все виды натурального налогообложения были заменены единым сельскохозяйственным налогом в денежной форме, что, разумеется, было выгодно крестьянину, т.к. позволяло самому распоряжаться севооборотом и определять направление развития своего хозяйства.

В целом первая половина 1920-х гг. характеризовалась бурным развитием предпринимательства. В это время оно носит стихийную форму. Однако его результаты были довольно значительными. В стране начался быстрый хозяйственный рост, подъем жизненного уровня. Рыночный механизм позволил в короткие сроки восстановить промышленность, численность рабочего класса и, главное, повысить производительность труда (к примеру: всего за 5 лет – с 1921 по 1926 гг. индекс промышленного производства увеличился более чем в 3 раза, сельскохозяйственное производство возросло в 2 раза и превысило на 18% уровень 1913 г.; но и после завершения восстановительного периода рост экономики продолжался быстрыми темпами: в 1927, 1928 гг. прирост промышленного производства составил 13 и 19% соответственно). Важную роль в восстановлении народного хозяйства

и его дальнейшего развития сыграла денежная реформа.

Условия, в которых происходило восстановление и развитие частного сектора экономики в 1920-е гг., можно условно разделить на две группы. К первой группе относятся объективные условия – характер экономики, степень развития инфраструктуры в губерниях, экономическая ситуация в стране. Ко второй группе можно отнести субъективные причины, связанные с государственной политикой по отношению к частному предпринимательству, социальным статусом нэпманов и, наконец, активностью самих частных предпринимателей. Проявляя определённую гибкость в хозяйственной политике, большевики не знали сомнений и колебаний в укреплении контроля правящей партии над политической и духовной жизнью общества. Важнейшим инструментом в руках большевиков здесь являлись органы ВЧК (с 1922 года – ГПУ). Этот аппарат не просто сохранялся в том виде, как он существовал в эпоху гражданской войны, но и бурно развивался, все полнее охватывал государственные, партийные, хозяйственные и прочие общественные институты.

Переход к НЭПу, сопутствующая ему своеобразная свобода в экономике и культуре страны, способствовали возвращению эмигрантов на родину. За 1921–1931 гг. в Россию возвратилось около 181 000 эмигрантов, из них две трети в 1921 году. Но при этом классовый подход оставался главным принципом выстраивания властной политики в отношении интеллигенции. При подозрении в противодействии власть прибегала к репрессиям. В годы НЭПа закрываются многие легально издающиеся газеты и журналы, ликвидируются последние подпольные группы правых эсеров и меньшевиков.

Большевистская партия берёт курс на формирование собственной социалистической интеллигенции, преданной режиму и верно ему служащей. Открываются новые университеты и институты. При высших учебных заведениях создаются первые рабочие факультеты (рабфаки). В 1923 году учреждается добровольное общество «Долой неграмотность» во главе с председателем ВЦИК Калининым. К концу 1920-х годов около 40% населения умели читать и писать (против 27 процентов в 1913 году), а десятилетие спустя этот показатель равнялся 80%. Коренной реформе подвергалась и система школьного образования. Она обеспечивала непрерывность образования, начиная с дошкольных учреждений и кончая вузами.

С 1921 г. до середины 1924 г. предпринимательство в целом развивалось относительно свободно, но в строго ограниченных государством рамках. Частный капитал не был допущен к основным пунктам экономики: на транспорт, в крупную промышленность и внешнюю торговлю. Государство прила-

гало максимум усилий к тому, чтобы изъять из частного сектора как можно больше средств (обложение налогами), и очень мало делало для развития частной торговли и промышленности. НЭП представлял из себя экономическое соревнование социализма с капитализмом. Но это было необычное соревнование. Оно проходило в форме ожесточённой борьбы капиталистических элементов против социалистических форм хозяйства. У советского государства было всё необходимое для победы в борьбе с капитализмом: политическая власть, командные высоты в экономике, природные богатства. Не хватало только одного – умения вести хозяйство, куль-

турно торговать. Ещё в первые дни своего господства Ленин говорил: «Мы, партия большевиков, Россию убедили. Мы Россию отвоевали – у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять». Управлять страной оказалось делом чрезвычайно сложным. Это проявилось и в годы проведения новой экономической политики – первый кризис НЭПа в 1923 г., как и последующие (1925–1926 гг., 1928–1929 гг.), был вызван как объективными, так и субъективными причинами. Для будущего культурного наследия эти годы оказались чуть не катастрофой.

Константин Таратухин

Мятеж или восстание?

«История города – это тема, публикации на которую интересны всем. Особенно те страницы истории, которые не слишком известны. Например, хотелось бы почитать о подавлении кулацкого мятежа, ведь было и такое в наших Ливнах».

А.С. Скрябин

Со времени тех поистине трагических событий минуло уже более девяти десятков лет. Оценивают же их до сих пор столь неоднозначно, а вернее – противоречиво, что предпочтительнее в итоге чаще всего оказывается вообще промолчать. Однако, как говорится, «из песни слова не выкинешь!» Правда, песню ведь можно спеть по-разному, так сказать интерпретировать. А эту песню, так получилось, особенным образом интерпретировали практически сразу. Вот и считается до сих пор, что в августе 1918 года в Ливнах произошёл якобы «кулацко-эсеровский мятеж»... Но на самом деле народное недовольство, прежде всего аграрной политикой большевиков, всколыхнуло тогда самые широкие массы крестьян Ливенского уезда Орловской губернии. А потому, думается, правильнее было бы именовать те события восстанием. Впрочем, предлагаю попробовать в этой проблеме разобраться по порядку.

Вскоре после октябрьского переворота в Петрограде (ну или революции – это уж кому как нравится) большевики начинают узурпировать власть в Советах всех уровней, вытесняя из них своих вчерашних союзников: эсеров, анархистов и прочих. И к лету 1918 года в основном добиваются своей цели, что сделало вчерашних «братьев по революции» врагами. Особенной остроты это противостояние достигло в «крестьянском» и «религиозном» вопросах.

По Марксу, существуют два основных класса: буржуазия и пролетариат. Согласно этой теории, крестьянство должно как бы «раствориться» между ними. Это создало определённые проблемы Ленину, стремившемуся к захвату власти в стране, где три четверти населения составляли набожные крестьяне. Ильичу пришлось в спешном порядке «подправлять» теорию Маркса и говорить о «рабочекрестьянской» власти и присвоить себе многие пункты из программы конкурентов-эсеров (делёж помещичьей земли между крестьянами и т. п.). Этот чисто тактический ход обеспечил ему, если не поддержку, то, хотя бы, нейтралитет со стороны крестьян в решающие дни лета 1917 – весны 1918 гг.

Но продолжалось это недолго! В мае восемнадцатого года большевики начали свой опустошительный поход в деревню с отъёмом хлеба у селян. Для этого были организованы специальные продовольственные отряды, чьей первичной задачей являлась «война за хлеб». В помощь продотрядам в сёлах создавались, так называемые, комитеты бедноты (комбеды), организующие в деревне «классовую борьбу» – попросту стравливающие крестьян друг с другом. (С тем, что коммунисты, захватив власть, начали сразу же раскручивать маховик террора, вынуждены косвенно соглашаться даже ливенские коммунисты-краеведы Селитренников и Ковалёв.) Всё это, в свою очередь, вызывало нарастающее сопротивление измученных хлебными экспроприациями крестьян. Так, на сельских сходах в Васильево и Волово крестьяне открыто заявили, «что обществу не требуется комитет лодырей и лежебок», грозили порезать комитетчиков. Боль-

* Впервые опубликовано в газете «Принт в Ливнах» 26 марта 2009 года, № 12 (836). Рукопись получена от автора, не вошедшие в ту публикацию фрагменты текста выделены курсивом.

шевики были вынуждены проводить эти сходы под надёжной вооружённой охраной.

Церковь также подвергается грабежам и притеснениям. Краевед Геннадий Рыжкин, описывает страшные картины погрома монастыря Св. Марии Магдалины Кудиновской волости Ливенского уезда:

«Крестьяне рубили лес, принадлежавший монастырю, растаскивали овощи с огорода, оскорбляли монахинь.

9 декабря того же года дело дошло до рукоприкладства: крестьяне избили послушницу Екатерину Черных, которой поручалось охранять амбары с хлебом. Монахини ударили в набат, звуки его подхватили колокола церкви в соседнем селе Губаново, которое подверглось нападению ещё ранее, но отразило его. Погромщики отступили. На следующий день Кудиновский волостной комитет по-хозяйски расположился в самом монастыре, точнее, в его трапезной, устроив заседание и, решив ключи от амбаров у монахинь забрать. При этом, как отмечала газета «Орловские епархиальные вести», «...комитетчики вели себя вызывающе: курили, сквернословили, сидели в шапках».

23 февраля 1918 года крестьянские погромщики вновь пришли на монастырский хутор, в основном они были из деревни Марьино. Ушли не с пустыми руками: угнали 22 рабочих вола, 20 лошадей, 3 коровы, 39 овец, 5 ангорских коз. Но самое страшное последовало 19 ноября того же года. Губановские погромщики оцепили монастырь, захватили колокольню, чтобы не дать ударить в набат, осадили корпус настоятельницы монастыря и угрожали ей убийством. Почуввав недоброе, игуменья переоделась, тайком покинула монастырь и уехала в Ливны. Толпа ворвалась в её апартаменты, но хозяйки там не было. Начался погром. Растащили всё, что уцелело от предыдущих грабителей. Так закончил своё существование монастырь Святой Марии Магдалины».

Замечу, что некоторыми коммунистами до сих пор рассматриваются эти вопиющие случаи грабежа и разбоя, как истинные примеры народоправства. Усиление репрессивных мер стало общей тенденцией лета 1918 года. Под этот каток начали попадать не только представители «буржуазии», но и крестьяне-середняки, а также недавние союзники по октябрьскому перевороту – эсеры, которые после событий 6 июля в Москве, начинают изгоняться из всех органов власти, и уже открыто преследоваться ЧК. *Но необходимо отметить, что кое-где в волостных и сельских Советах продолжали оставаться представители других партий, несогласные с политикой большевиков.*

Восстание в Ливенском уезде отнюдь не было каким-то уникальным явлением, волна восстаний охватила тогда всю центральную Россию. Террор, изъятие хлеба, осквернение святынь и национализация предприятий и учреждений вызывали сопротивление.

На нашей малой родине, в Ливнах, оно началось 14 августа 1918 года. В ряде населённых пунктов произошло открытое неповиновение большевистским представителям, пролилась первая кровь. В создавшейся крайне накалённой обстановке организация левых эсеров решила привести в действие свои планы и, возглавив восстание, взять его под контроль. Насколько им это удалось, судить трудно, учитывая отсутствие убедительных документальных данных. Да, программа эсеров пользовалась в крестьянской среде определённой популярностью. Но среди восставших отмечались и монархические настроения. Д.П. Селитренников в своей книге «Мятеж» подчёркивает: «Повсеместно непосредственную роль в организации мятежа играли кулаки» (читайте, крестьяне). Однако активное участие в восстании эсеров дало коммунистам повод в дальнейшем именовать его не иначе как кулацко-эсеровским мятежом. Причём, некоторые краеведы пошли ещё дальше, добавляя к нему и слово «белогвардейский». Например, тот же Селитренников утверждает: «На деле же левые эсеры оказались простыми пешками в руках белогвардейцев и в подготовке восстания выступили лишь агитаторами за идеалы и устремления кулачества, подстрекателями контрреволюционного погрома». Однако подобные утверждения абсолютно голословны! А Добровольческая армия (ближайшая к нашему региону Белая армия) в это время вела *тяжелейшие* бои на Кубани. Естественно, ни о каком взаимодействии ее с восставшими ливенцами не могло быть и речи. Совершенно очевидно, что здесь имеет место политическая установка – объявлять всё враждебное коммунистам «белогвардейским».

Коротко дальнейший ход восстания выглядел так: 18 августа повстанцы из разных населённых пунктов уезда двинулись на город и, ближе к вечеру следующего дня, после ожесточённых боёв, пусть и на короткий срок, свергли ненавистную им советскую власть. Отметим, что, захватив уездный центр, восставшие действовали тоже отнюдь не гуманно. На улицах города то тут, то там валялись тела растерзанных партийных и советских работников. Крестьяне мстили своим вчерашним мучителям весьма жёстко, можно даже сказать – жестоко. Но многие жители города и уезда встретили весть о её свержении с ликованием! По всем окрестностям разнёсся радостный колокольный перезвон, в храмах служились благодарственные молебны. Многие служители Церкви приняли самое деятельное участие в тех событиях. Воспоминания краеведа Волкова, добавляют к общей картине следующие немаловажные штрихи: «Священник Семён Оболенский из села Сергиевского переехал в 1918 году в Ливны, купив дом за рекой Ливенкой. В дни восстания с крестом в руках отслужил молебен в честь разгрома большевиков и напутствовал на победу восставших. Его сын, состоявший в партии социал-революционеров, также участвовал в мятеже.

Во время расправы над восставшими отца-священника расстреляли, а сын бежал».

Численность повстанцев, по различным оценкам, колебалась в пределах от 6 до 12 тысяч, что опровергает утверждения коммунистов о непричастности к восстанию широких слоёв населения. Среди командиров повстанческих отрядов упоминаются Т. Артемьев, А. Чернский, И.И. Клёпов, И. Фирсов, Ф. Никитин. *Некоторые краеведы полагают, что лидером восстания был именно Клёпов. Безусловно, этот человек был хорошо известен части населения и в партийной среде эсеров, еще недавно возглавляя уездный исполнительный комитет.* Но, воспользовавшись тем, что некоторые из них пользовались авторитетом среди эсеров, большевики начали решать свою главную пропагандистскую проблему. *Опять же замечу, что никаких документальных подтверждений этому никто не публиковал. А ведь ЧК после подавления мятежа наверняка производила следственные действия, стремясь выявить организаторов и командиров! Почему же эти данные до сих пор не обнародованы? Рискну предположить, что следствие так и не выявило ничего «такого». Конечно, на местах появлялись вожаки и организующие центры. Если их не было, то их заставляла создать сама обстановка.* Как неудобно было им признавать, что восстание носило стихийный характер! Что крестьян не надо было толкать в спину, что большевицкая власть просто окончательно переполнила чашу народного терпения. В пользу этой версии говорит и то, что, заняв город, и свергнув ненавистную власть, восставшие просто не знали, что же делать дальше. На подступах к Ливнам ими не было выставлено ни одной сторожевой заставы, а про остатки отряда Шестопалова в районе железнодорожного вокзала вообще забыли. Возможно, разобрав железнодорожные пути на подступах к городу, восставшие надеялись на то, что подразделения Красной армии быстро и незаметно подойти не сумеют.

Пассивность и беспечность дорого обошлась им. В тот же день на положение в Ливнах обращает внимание лично Ленин. Им были даны указания принять самые энергичные меры к подавлению мятежа. Для ликвидации восстания регулярным частям Красной армии понадобилось всего лишь сутки. Как отмечает старший научный сотрудник Ливенского краеведческого музея О.Л. Якубсон, в подавлении восстания принимали участие отряд интернационалистов с остатками местной гарнизонной роты красноармейцев, Железный полк из Орла, прибывший из Курска бронепоезд, а также сводный отряд комбедов Лебединской и Кудиновской волостей. Плохо вооружённые и слабо организованные крестьяне ничего не могли противопоставить артиллерийскому огню красных.

Самой боеспособной частью в ходе подавления восстания себя проявили, так называемые, интер-

националисты (по сути, иностранные наёмники) – они добились наибольших успехов, хотя и потеряли убитыми 19 человек. Всего же за время боёв большевики потеряли 70 человек, убив 300 восставших. Расстрелянных были сотни. Ночью 21 августа несколько подвод стали собирать трупы. Грузили их навалом и везли к кладбищу. Мотались рваные штаны, пиджаки и рубахи. На кладбище восставших и красноармейцев сортировали и хоронили в отдельные могилы.

Уже 20 августа 1918 года Ленин направил телеграмму Ливенскому исполкому, в которой приветствовал подавление «мятежа», указывал на необходимость конфисковать хлеб и имущество у восставших, мобилизовать и вооружить бедноту, произвести захват заложников и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны все «излишки» хлеба.

К кулакам Ленин относил примерно 20% крестьян. Хотя само слово «кулак» уже начало использоваться коммунистами как некое идеологическое клише, для обозначения всех более или менее зажиточных крестьян, не приемлющих их политику. По данным одного из руководителей ЧК Лациса, за 15 месяцев 1918–1919 гг. в России произошло 344 восстания, при которых погибло 1 150 советских работников и, как можно предположить, много тысяч крестьян. Совершенно очевидно, что силами одних лишь «кулаков» такой вал восстаний организовать было бы невозможно!

Покачать всех участников восстания большевикам было бы крайне затруднительно и потому, основную массу крестьян, они «великодушно» амнистировали, «принимая во внимание, что они были обмануты пропагандой или участвовали в мятеже по принуждению». Сколько жителей края в указанный период было расстреляно или заключено в тюрьмы, вряд ли кто-то может сказать точно. Если данные на этот счёт и имеются, то они до сих пор не обнародованы. Некоторые представления о размахе репрессий того периода дают слова петроградского руководителя Г.Е. Зиновьева, заявившего: «На днях я читал заметку, что, кажется, в Ливнах Орловской губернии было расстреляно несколько тысяч белогвардейцев. Если мы будем идти такими темпами, сократим быстро буржуазное население России».

Лавина народных восстаний, общая хозяйственная разруха, вынудили-таки Ленина отказаться от немедленного «прыжка в коммунизм», при котором были бы окончательно сломаны все духовные устои нашего народа. Итогом коммунистической политики «превращения крестьян в пролетариев» стало то, что, если на долю Российской Империи приходилось до 40% мирового экспорта пшеницы, и Европа была завалена сибирским маслом, – то в 1963 г. пришлось импортировать в страну хлеб, а с 1972 года СССР стал ежегодно закупать крупные партии зерна на мировом рынке...

Антон Васильев

Слегка помогли...

Студебекеры для Сталина

На 16-й неделе гитлеровского вторжения в Москву открылась конференция трех держав: СССР, США и Великобритании, которая должна была выработать программу широкой англо-американской помощи, наметив пути и средства для ее выполнения. Американцы и англичане прибыли в Москву, главным образом, для того, чтобы «прощупать» положение в стране и на фронтах, желая убедиться, что Сталин не пойдет на сепаратный мир с Гитлером и поставленная ими техника не будет передана немцам, как это сделали французы. Опасения оказались излишними: Сталин даже подумывал перебросить на советско-германский фронт 25–30 английских дивизий...

В британской прессе тех месяцев были нередки высказывания, что Англия должна передать СССР все вооружение, которое она держала на случай вторжения, плюс то, что досталось от американцев. Последние же настаивали на трехсменной работе своих военных заводов, чтобы русские как можно быстрее получили оружие. В Лондоне министр производства лорд Бивербрук поздравлял английских рабочих, установивших производственный рекорд во время проведения «Недели танков для России».

В критическом для коммунистов октябре 41-го Сталин благодарил Англию и США за огромные запасы сырья, станков и вооружения, которые уже прибыли в СССР. Президент американского Красного Креста заявил, что 800 тонн медикаментов, находящихся на складах в Англии, будут немедленно пересланы в СССР и готовится новая партия, стоимостью в 250 000 долларов. Красный Крест США в качестве подарка выделил около пяти миллионов долларов для приобретения различных материалов, одежды и продуктов для бедствующего народа СССР.

В декабре 1941-го Красный Крест США послал советским военнопленным в немецких лагерях 5 000 посылок с пищей и теплыми вещами,

Канадский Красный Крест – 500 флаконов витаминов, а денежные пожертвования на новые посылки принимал в Нью-Йорке Толстовский Фонд. Они не считали мучеников гитлеровских лагерей «изменниками Родины»... Русские эмигранты в Нью-Йорке собирали десятки тысяч долларов на посылки в «Россию» и армейские полевые лазареты.

На каждого красноармейца уже в 1941 году приходилось по 130 долларов западной помощи, а продуктами союзников можно было кормить десяти-миллионную армию в течение пяти лет.

У англичанки леди Мак-Роберт погибли на войне все три сына-летчика. Она пожертвовала 20 000 фунтов стерлингов на постройку звена истребителей и попросила передать самолеты СССР..

«Англичанка гадит», так любят выражаться наши квасные патриоты?

США и Великобритания постановили с 1 октября 1941 года по 30 июня 1942 года ежемесячно передавать Советскому Союзу 400 самолетов, 500 танков, 200 противотанковых ружей, 2 тысячи тонн алюминия, 1 тысячу тонн танковой брони, 7 тысяч тонн свинца, 1,5 тысячи тонн олова, 300 тонн молибдена, 1 250 тонн толуола. В первые 9 месяцев выполнения программы, когда почти все грузы доставлялись северными конвоями, 15% всего, что союзники так или иначе отправляли в СССР, оказывалось на дне океана. В следующий год потери сократились с 15 до 2%.

По мемуарам А. Микояна, Сталин запрашивал у США 8–10 тысяч грузовиков в месяц. Рузвельт посылал 11 700...

По американским данным, в СССР было поставлено 4 063 танка только типа «Генерал Шерман» разных вариантов, которые составляли более трети всех танков, полученных с Запада.

Танки союзников в советское время было принято чаще ругать, чем хвалить. В традиционный перечень недостатков пропагандой включались плохая проходимость и маневренность, слабое вооружение и бронирование.

Действительно, проходимость танков первых выпусков с обрезиненной гусеницей шириной 16 дюймов была плохой, (в условиях Западной Европы этот фактор не был важен), а сами гусеницы легко сгорали. Но скоро «Шерман» получил новую гусеницу – необрезиненную, но с резино-металлическим шарниром, повышавшим ее живучесть (такой шарнир советские танки получили только после войны). Благодаря ему «Шерман» ходил тихо, в отличие от лязгавшей «тридцатьчетверки», которую немцы слышали за несколько километров. К гусеницам стали прилагаться шпо-

ры-грунтозацепы. Показатели удельного давления на грунт (как, впрочем, и удельная мощность) у «Шермана» были аналогичны показателям Т-34.

Первые «Шерманы» защищались 50-75-мм вязкой броней, которую хвалили советские танкисты (у Т-34-76: 45-52 мм); танки выпуска 1944–1945 годов имели броню 75-100 мм (у Т-34-85: 45-90 мм). То-есть по ряду параметров заокеанский союзник даже обходил «лучший танк II-й Мировой войны».

75-мм пушка американца имела начальную скорость бронебойного снаряда 620 м/с и до появления на поле боя «Тигров» и «Пантер» была способна поражать все типы немецких танков. Новая 76-мм пушка с длиной ствола 52,8 калибра на дистанции до полукилометра пробивала 100-мм броню. На всех «Шерманах» стояли стабилизаторы наведения пушки в вертикальной плоскости, что позволяло танку точно стрелять на ходу. Подобный прибор на советских танках появился только в начале 50-х годов.

Важным достоинством «Шермана» был зенитный пулемет «Браунинг» на башне. Советский аналог «ДШК» появился только в 1944-м году и лишь на тяжелых ИС-2.

И все это – учитывая отсутствие в США на начало войны соответствующей промышленности и школы танкостроения как таковой. «Танкоград» на родине «Шермана» не было: их американцы возвели в СССР...

После Т-34 это был самый массовый танк Второй мировой войны: «Шерманов» было выпущено почти 50 000.

В Советский Союз, по американским данным, по ленд-лизу было поставлено 1 990 танков «Шерман» с 75-мм пушкой и 2 073 с 76-мм. После взятия Берлина Красная Армия получила и танки с горизонтальной подвеской, которые громили японцев в Маньчжурии.

Британские поставки Советскому Союзу начались 6 сентября 1941 года. Исключительную ценность для Красной Армии представляли автомобили, самолеты, средства связи (радиостанции всех типов и полевые армейские телефоны), цветные

металлы и, особенно, алюминий по 2 000 тонн в год (без которого советская промышленность просто не смогла бы в годы войны выпускать самолеты новейших типов, прежде всего скоростные истребители).

Из английских боевых машин в СССР поступали пехотные танки Mk II «Матильда», вооруженные как 40-мм пушкой, так и 76-мм гаубицей, Mk III «Валентайн», Mk IV «Черчилль» и легкие танки Mk VII «Тетрарх», а также гусеничные бронетранспортеры «Универсал Кэрриер» – подобных машин в СССР не выпускалось вообще.

Танки английского производства впервые приняли участие в боях на советско-германском фронте во время битвы за Москву. Исключительно британскими Mk II и Mk III были вооружены танковые полки 5-го механизированного корпуса. В бригадах 9-го, 10-го и 11-го танковых корпусов они использовались совместно с Т-60 и Т-70. «Матильды» и «Валентайны» применялись в 1942–1943 гг., как зимой, так и летом, на Западном, Брянском, Северо-Кавказском фронтах и в 5-м мехкорпусе Юго-Западного фронта. Советские газеты периода битвы за Москву помещали на своих полосах фотоснимки целых колонн союзной техники. Английские танки на параде 7 ноября 1941 года вырезала цензура...

«С первых же дней изучения английских танков наши бойцы убедились в их высоких боевых качествах. Многотонный танк очень подвижен. Он имеет крепкую стальную броню, простое управление и мощные огневые средства для борьбы с вражескими танками и пехотой.

Большой интерес представляют следовавшие в колонне бронированные английские транспортеры. Их оружие с одинаковым успехом может бить по воздушным и наземным целям» – писала «Красная Звезда» в разгар битвы за Москву.

Нужно учесть, насколько Британии самой было несладко, сперва – под торговой блокадой, а затем – под ракетами «Фау». Ухоженные многолетние леса вырубали ради новых ферм; с дверей дворцов свинчивали бронзовые ручки (стратегическое сырье), парки в поместьях распаивали,

Английские танки «Валентайн» под Москвой. Английский бронированный транспортер

болота осушали и даже холмистые местности, считавшиеся почти бесполезными, британцы пытались приспособить под сельскохозяйственные нужды. И помогали, помогали, помогали русским...

Кроме 5 173 танков, из туманного Альбиона СССР получил 4 200 самолетов, 5 000 противотанковых орудий, 472 миллиона снарядов; 1 800 комплектов радиолокационного оборудования; 4 000 радиостанций; 55 тыс. км телефонного кабеля (которым полтора раза можно было обернуть Землю по экватору), 12 тральщиков, продовольствия, медикаментов и заводского оборудования на 120 миллионов фунтов стерлингов.

Танки «Черчилль» применялись зимой 1942–1943 годов на Донском и Волховском фронтах в составе отдельных танковых полков прорыва. Летом-осенью 1943 года «Черчилли» сражались на Курской дуге и выбивали немцев из Киева. В период Висло-Одерской наступательной операции 1-й мехкорпус 2-й гвардейской танковой армии был полностью укомплектован английскими танками «Валентайн IX» и американскими «Шерманами».

Всего в СССР союзники поставили 12 537 танков и самоходных артиллерийских орудий. Ими можно было укомплектовать 62 советские танковые дивизии. Еще две тысячи танков не дошли до фронта в трюмах потопленных транспортных кораблей.

Из поставленного СССР вооружения примерно 1/3 приходится на авиационную технику. Всего СССР получил около 19 000 самолетов. В основном это были истребители (75%) и бомбардировщики (20%), остальное – разведчики, амфибии, корректировщики. Ими можно было укомплектовать 250 авиаполков. Для их обслуживания и ремонта союзники поставили 15 000 запасных двигателей, а также вооружение, боеприпасы, запасные части и пр.

В достаточно короткие сроки в США и Британии увеличили производство фронтовой авиации для советских ВВС. Ее выпускали фирмы «Белл» (истребители P-39 «Аэрокобра» и P-63 «Кингкобра»), «Кертисс» (истребители P-40 «Томагавк» и «Киттихоук»), а также транспортные самолеты C-46), «Рипаблик» (истребители P-47 «Тандерболт»), «Дуглас» (бомбардировщики A-20 «Бостон» и транспортные C-47 «Дуглас»), «Норт Америкен» (бомбардировщики B-25 «Митчелл»), «Консолидейтед» (летающие лодки-амфибии «Каталина»).

До войны в советской транспортной авиации использовались самолеты Ли-2, лицензионные копии американских C-47 «Дуглас». После развертывания программы ленд-лиза в СССР начали применяться и подлинники. Всего ВВС РККА получили 707 «Дугласов», последний из которых прибыл в Красноярск через Берингов пролив 8 сентября 1945 года.

Летчики королевских ВВС, награжденные орденами Ленина

Самолеты «домашнего розлива» сильно уступали американским подлинникам. Их моторы обладали худшими тяговыми характеристиками и были сложнее в обслуживании. Если на Ли-2 меняли мотор за 62 часа, то на «Дугласе», вместе с мотором – за 10.

Кроме того, моторы Ли-2 перед взлетом приходилось прогревать 40–45 минут, «Дуглас» же был готов взлетать сразу же после запуска. Наружные поверхности американца обладали меньшим аэродинамическим сопротивлением. Максимальная скорость заокеанских машин снижалась после перекрашивания в СССР (советская эмаль была «шершавее»). Выигрывали у «Дугласов» и горючее, и гидравлика. Последняя значительно надежнее функционировала в условиях русских морозов, так как заполнялась морозостойкой смесью. Лучше работали и антиобледенители (гидравлические вместо тепловых), и калориферное отопление кабины.

К концу второй мировой войны P-39 «Аэрокобра» были основными истребителями, поставляемыми союзниками в СССР по ленд-лизу. Всего по ленд-лизу нам было поставлено 7 352 «Аэрокобры». Именно на истребителе P-39N с бортовым номером 100 закончил войну Александр Иванович Покрышкин, одержав на американском самолете 48 воздушных побед из 59, ему зачтенных. Вместе с Покрышкиным на американцах воевали Г. Речкалов, Г. Голубев, К. Сухов, братья Глинка и другие. Их боевой счет был немногим меньше – ни один союзный пилот не сбивал столько.

151-е крыло британских ВВС было сформировано в июле 1941 г специально для отправки в СССР и состояло из 134-й (майор А.-Г. Миллер) и 81-й (майор А.-Х. Рук) эскадрилий. В состав крыла входило более 30 летчиков, до 100 офицеров управления, техников и летных диспетчеров и около 400 человек обслуживающего персонала: медиков, поваров, шоферов, переводчиков.

К апрелю 1942 г. истребительные части Северного флота и Карельского фронта более чем на 60% были укомплектованы «Харрикейнами». Именно эти новые типы машин, пополнившие парк истребительной авиации Севера, позволили добиться господства в небе Заполярья и Карелии. Два королевских офицера, Ишервуд и Рук, сбившие по нескольку немцев, стали кавалерами ордена Ленина – такая вот ирония военной судьбы...

Штаб советских ВВС преподнес английским летчикам чек на 15 000 рублей, объяснив, что советские авиаторы получают 1 000 рублей за каждый сбитый немецкий самолет.

Полковник Б. Смирнов в «Красной звезде» за ноябрь 1941 г. писал, что из американских истребителей под Москвой формировалась новая авиадивизия. Ее должны были пилотировать летчики резервных частей.

К концу войны советская авиация на 23% состояла из союзных машин, а из поставленного с Запада алюминия было собрано 76% советских боевых самолетов.

На Сталинградском тракторном заводе более половины всех машин и оборудования были получены по ленд-лизу. Из США поставлялись производственно-технологические линии и даже целые заводы, в частности, нефтеперерабатывающие предприятия в Куйбышев, Гурьев, Орск, Красноводск, шинный завод в Москве, завод по производству алюминиевого проката. В дальнейшем эти предприятия эффективно работали и в мирное время.

Американская медь и ее сплавы использовались на советских военных заводах в производстве орудий и снарядов. Из США шла туда и сталь для производства советского оружия и станков – все ее формы: инструментальная сталь, ее бруски, заготовки, листы, полосы, проволока, трубы. Кроме этих металлов США поставляли также значительное количество химических веществ и более 100 000 тонн пороха, толуола и тринитротолуола для производства бомб и снарядов.

К концу июня 1943 года США отправили в СССР на 150 миллионов долларов станков и различного промышленного оборудования: фрезерных станков, дробилок, режущего инструмента, электрических печей, молотов, электромоторов, оборудования для бурения нефтяных скважин.

Поставленный по ленд-лизу авиабензин составил 46,7% от советского производства 1941–1945 годов. Если же вычесть из итога советское производство авиабензина за первую половину 1941 года, оценив его примерно в половину от годового производства, то доля союзников поднимется до 52,7%. Очевидно, что без западных поставок горючего советская авиация просто не смогла бы поддерживать свои войска нужным количеством вылетов.

Потребности войск в полевом кабеле и зарядных агрегатах почти полностью покрывались за

счет поставок по ленд-лизу. Союзники поставили в СССР 16 914 зарядных агрегатов, советская же промышленность выпустила всего 630 шт. Полевого кабеля из-за моря было поставлено 1 456 000 километров (50 земных экваторов!) против выпущенных в СССР 231 000 км. В советских войсках связи союзной радиолокационной аппаратуры было свыше 80%.

Более десяти советских стрелковых дивизий полного состава можно было вооружить только американскими автоматами «Томсон» и пистолетами «Кольт». В зенитную артиллерию поступило 1 111 автоматических пушек «Эрликон».

Советский ВМФ в войну пополнился ленд-лизовскими линкором и крейсером, 96 торпедными катерами, 78 большими охотниками за подлодками и 60 малыми. Союзники поставили 77 тральщиков и 28 фрегатов (эсминцев). 105 американских субмарин и 4 британские поражали советских подводников комфортными условиями для экипажа. Флот на 32,4% стал «англо-американским».

Вероятно, не все знают, что готовить знаменитую свиную тушенку американцев научили русские эмигранты... Эти армейские консервы, приготовленные по русскому рецепту, стали производиться на нескольких заводах в США и представляли собой куски свинины, законсервированной с топленным свиным жиром, приправленной лавровым листом и другими специями. Полученный продукт был хорош в горячем виде, ели его и холодным, из банки, – по крайней мере, так говорили советские солдаты. Американцы выпускали также в сушеном виде традиционный русский суп – борщ из толченой свеклы и другие супы: картофельный, луковый, морковный. Они укладывались в пакетики площадью два квадратных дюйма – не больше коробка безопасных спичек. При добавлении воды в такой пакетик он превращался в суп, заполнявший большую миску.

Союзники поставляли в СССР семена, чтобы наш народ мог сам увеличить количество продовольствия. В 1942 году по воздушному мосту через Иран были доставлены первые семена ко времени весеннего сева. С начала войны до 1943 года американцы отправили в СССР более 9 000 тонн семян, которые были использованы для освоения целинных земель на равнинах Сибири, а также для возрождения опустошенных земель в районах, отвоеванных у нацистов.

Основным транспортом для реактивных установок «Катюша» и «Андрюша» стали ленд-лизовские «Студебекеры» (длиннобазовые US6 с полностью металлической кабиной).

«В то время мы считали, что... артиллерия переходит на механическую тягу и тягачи для этого подходят, – вспоминал в книге «Так было» Анастас Микоян, в войну отвечавший за тыл и вооружение. – Но скоро мы убедились в том, что наиболее хорошо

отвечали требованиям войны артиллерийские перевозки грузовиками, особенно «Студебекерами». Эти машины имели отличную проходимость, могли быстро перебазировать даже тяжелые орудия, запас боекомплекта и орудийные расчеты. Поэтому впоследствии от получения тягачей мы отказались и не заказывали их».

Тракторов-тягачей союзники поставили «всего-то» 8 071...

СССР получил по ленд-лизу 622,1 тыс. тонн железнодорожных рельсов (56,5 % от собственного производства), 1 900 паровозов (в 2,4 раза больше, чем выпустил сам за годы войны) и 11 075 вагонов (больше в 10,2 раза), 3 млн. 606 тыс. автопокрышек (43,1 %), 610 тыс. тонн сахара (41,8 %), 664,6 тыс. тонн мясных консервов (108 %), 427 тысяч автомобилей и 32 тыс. армейских мотоциклов, при этом в СССР с начала войны до конца 1945 года было выпущено лишь 265,6 тыс. автомобилей и 27 816 мотоциклов.

Некоторые категории читателей могут меня упрекнуть в недостатке патриотизма. Тогда кем они

назовут чтимого ими маршала Г.К. Жукова, в беседе с Константином Симоновым сказавшего:

«Мы были бы в тяжелом положении без американских порохов, мы не смогли бы выпускать такое количество боеприпасов, какое нам было необходимо. Без американских «Студебекеров» нам не на чем было бы таскать свою артиллерию. Да они, в значительной степени, вообще обеспечили наш фронтной транспорт... Выпуск специальных сталей, необходимых для самых различных нужд войны, был тоже связан с рядом американских поставок».

...Долги по ленд-лизу РФ собирается отдавать до 2030 года. И в отечественной военной прессе до сих пор нередки высказывания: а чем мы им вообще обязаны? Так, помогли слегка...

Список использованной литературы:

- История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 6-ти томах, Т. 2. С. 189.
 Попов Г.Х. Война и правда. Цена победы. – New York, 2005.
 Микоян А.И. Так было. – М., 1999.
 Форд Генри. Моя жизнь, мои достижения. – Пятигорск: Снег, 2008.

Владимир Чичерюкин-Мейнгардт

По власовским местам Подмосковья

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Вдохновлённый поездкой в Солнечногорск в июне 2007 г., я решил продолжить знакомство с историческими местами Подмосковья. Зимой 2008 г. я вновь посетил Волоколамск, который в декабре 1941 г. освобождала 20-я армия генерала А.А. Власова. Но свой рассказ мне хотелось начать с подмосковных Химок, где осенью 1941 г. на основе оперативной армейской группы генерал-майора А.И. Лизюкова формировалась 20-я армия Западного фронта. Ей был присвоен номер армии, которая почти в полном составе погибла в знаменитом котле между Вязьмой и Юхновым в октябре 1941 г.

20-я армия формировалась в подмосковных Химках на территории Соцгородка. По Интернету я выяснил, что в Химках нет своего Краеведческого музея. Но сохранилось здание, в котором осенью 1941 г. размещался штаб 20-й армии. Сама же формируемая армия размещалась на территории Соцгородка. Теперь оставалось только увидеть его своими глазами.

Утром 2 января 2009 г. я выехал знакомым маршрутом на 851-м автобусе от Речного вокзала в сторону аэропортов Шереметьево-1 и Шереметьево-2. После того, как автобус пересёк Московскую кольцевую автостраду, я вышел на остановке Бутаково. По правую руку, если идти от Москвы, стояли жилые дома самой разнообразной постройки. Одни явно появились во времена «развитого социализма», другие в послевоенные годы, а мо-

жет и раньше. По левую руку громоздились торговые центры, выстроенные здесь в 1990-е и последующие годы. Раньше здесь были по большей части пустыри. Ближайший жилой дом, к которому я подошёл, был отмечен указателем – Ленинградская улица, 6. Идя вдоль улицы, я довольно скоро вышел к дому номер 16, строение номер 3. Дойдя до арки, прошёл во внутренний двор этого дома. Возможно кто-то со временем займётся его историей и архитектурой. У меня же сложилось следующее впечатление – дом построен во второй половине 1930-х гг., а может накануне войны, ибо стиль его напоминал поздний, псевдоимперский сталинский архитектурный стиль, достигший своего расцвета в последние годы жизни «великого вождя и учителя». Вполне возможно, что в него вселились представители местной партхозноменклатуры и ударники труда – стахановцы. Дом, судя по всему, ещё до войны имел водоснабжение и свою котельную. Сам он состоит из трёх строений. Главный корпус имеет форму буквы «П», ногами обращённую к Николаевской (Октябрьской) железной дороге. В его «ногам» примыкают ещё два строения, соединённые с главным переходами и арками. Сам комплекс имеет ярко выраженную симметричную планировку. Войти в подъезды можно только со внутреннего двора. Обходя главный корпус, на углу я увидел чаемую мемориальную доску с надписью – «В дни героической битвы за Москву в этом здании с 20 ноября по 1 декабря

05/2009

1941 года размещался штаб 20-й армии Западного фронта». Можно лишь предположить, что к ноябрю 1941 г. этот дом полностью, или почти полностью опустел в связи с приближением фронта. И в нём вполне могли разместиться штаб армии и соответствующие штабные службы. Скорее всего, на крыше были установлены зенитные пулемёты. Сам Соцгородок очевидно занимал территорию между шоссе Москва – Петербург (Ленинградское шоссе) и Николаевской (Октябрьской) железной дорогой. Очевидно, что он включал в себя жилые дома, построенные в предвоенные годы. В них также могли разместить военнотружущих. За домом номер 16 высятся трубы каких-то предприятий средней руки, а вдоль шоссе дальше тянутся жилые дома, как мне показалось, уже послевоенной постройки.

Сфотографировав на память мемориальную доску на фасаде и сам фасад здания, я пошёл на автобусную остановку. Проезжая по мосту через канал имени Москвы я скользнул взглядом по лесопарку Ховрино. На его территории до сих пор сохранились ямы, которые в 1941 г. были землянками. Встречаются и оплывшие за прошедшие десятилетия окопы. По всей видимости, здесь могли размещаться части 20-й или 16-й армии. Кроме того, здесь проходил один из рубежей обороны Москвы в те месяцы.

Закончив формирование в Химках, 20-я армия под командованием генерал-майора А.А. Власова приняла участие в Клинско-Солнечногорской операции, а далее, развивая наступление, её части вывели немецкие войска из Волоколамска.

Однако в подмосковной Истре, которую в декабре 1941 г. освобождала 16-я армия под командованием генерал-майора К.К. Рокоссовского мне в свое время довелось увидеть ещё один памятник, связанный с 20-й армией генерала А.А. Власова.

В Истре я побывал, впервые, будучи школьником, ещё в самом начале 1970-х гг. В дальнейшем мне приходилось бывать здесь неоднократно. С тех же, ещё самых первых поездок, мне запомнились памятники, увековечившие события 1941 г. – обелиск погибшим красноармейцам в боях за Истру на одной из городских площадей и стурмовик Ил-2, взмывающий в небо с высокого постамент над городским парком.

Знаменитый Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь памятен мне своим полуразрушенным видом – главный собор и часть монастырских стен лежали тогда в руинах. На территории монастыря располагался Краеведческий музей. Среди его экспонатов запомнилась диорама «Освобождение города Волоколамска от немецко-фашистских захватчиков в декабре 1941 года». Судя по железнодорожным платформам, на которых стояли танки с крестами на бортах и зданию вокзала, на диораме был воссоздан эпизод боя в районе городского железнодорожного вокзала. Для меня так и осталось

загадкой, почему диорама, изображавшая бой за Волоколамск, экспонировалась в Истре, а не в самом Волоколамске. Правда, однажды, спустя много лет, я услышал фразу, оброненную одной из сотрудниц Истринского музея, о том, что прежний директор увлекался изготовлением макетов и муляжей. Может, здесь и следовало искать ответ на свой вопрос.

Волоколамск мне довелось посетить в январе 2008 г. До города я добирался на электричке по Рижской железной дороге, а от вокзала в сам город, на автобусе, поскольку вокзал находится примерно в трёх километрах от центра. По дороге вспоминал, что мне встречалось о боях за Волоколамск в декабре 1941 г. Бои за город начались 18 декабря 1941 г. Судя по всему, у германских войск был целый ряд преимуществ. Они могли оборудовать наблюдательные пункты и пулеметные точки на колокольнях городских церквей. На высокой горе, где в средние века высились бревенчатые стены и башни Волоколамского кремля, можно было создать сильный узел обороны. Для этого можно было использовать крепкие кирпичные здания двух соборов, в одном из которых по сей день располагается Краеведческий музей, и уж тем более, высокую колокольню с часами. Так же можно было воспользоваться остатками крепостного вала, выдолбив в нём окопы, и, оборудовав огневые точки.

Части 20-й армии повели наступление на город со стороны железнодорожного вокзала. Бои продолжались весь день 19 декабря. 20 декабря Волоколамск был полностью освобожден. В боях за Волоколамск приняли участие танкисты бригады М.Е. Катукова и морская бригада. Последняя была сформирована из моряков-тихоокеанцев и переброшена с Дальнего Востока в Москву, в канун декабрьского контрнаступления. Несколькими днями раньше моряки участвовали в боях за Солнечногорск, о чем напоминает символическая матросская бескозырка с красной звездочкой на мемориальном братском захоронении при въезде в Солнечногорск со стороны Москвы.

Доехав до остановки в центре города, я сошёл с автобуса и пошёл пешком в сторону подножия горы, на которой некогда возвышался местный кремль. Знакомые по давнишней экскурсии торговые ряды были на месте. Поднявшись по обледелым ступенькам в гору, я первым делом направился в Краеведческий музей. Он по-прежнему располагается в здании собора. В тот день я оказался едва ли не единственным его посетителем. На втором этаже музея центральное место занимает диорама «Освобождение советскими войсками города Волоколамска в декабре 1941 года». В отличие от давнишней диорамы, запомнившейся мне в 1970-х гг. в Истре, эта диорама была выполнена в масштабе 1 к 35.

Фигурки солдат и военная техника были из тех, что теперь продаются во многих магазинах,

там, где есть отдел военной миниатюры. Представшая передо мной диорама запечатлела встречный бой на улицах города, под горой, на которой находится Краеведческий музей. Диорама была выполнена на очень хорошем уровне, включая предметный фон и живописное полотно. Судя по диораме, советские и немецкие войска применяли на улицах города артиллерию и бронетехнику. В небе над городом происходили воздушные бои. Судя по уцелевшим с тех времён зданиям, которые узнавались на диораме и их местоположению по отношению к горе, похоже, что советские войска действительно наступали со стороны железнодорожного вокзала. Следовательно, та, давнишняя диорама в Истре изображала реальный эпизод боев за Волоколамск. Интересно было бы узнать когда-нибудь про платформы с танками на вокзале. Действительно ли они там стояли 19 декабря 1941 г.? И если да, то для чего предназначалась эта техника? То ли их привезли накануне боёв за город и они должны были помочь оборонявшимся город германским войскам, то ли их по каким-то причинам командование намеревалось эвакуировать в тыл?

Ведь известно, что массу техники немцы вынуждены были бросить, отступая от Москвы, поскольку из-за морозов она выходила из строя. И может германское командование действительно намеревалось эвакуировать в тыл свою бронетехнику вышедшую из строя в самом Волоколамске и его окрестностях?

Краткая справка, прилагавшаяся к диораме гласила, что в боях за Волоколамский район Московской области участвовали три советские армии – 16, 20, 1-я ударная. На центральном направлении наступала 20-я армия. Командарм – 16 в справке был указан, как положено – генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский. Про 20-ю армию было сказано, что ей командовал А. Власов – без указания воинского звания и без отчества. Фотографии самого генерала А.А. Власова не было. Зато были представлены фото генералов К.К. Рокоссовского и Сандалова, бывшего в то время начальником штаба 20-й армии.

Осмотрев экспозицию Краеведческого музея, я спустился с горы по той же заледеневшей лестнице, прошёл мимо здания местной администрации, рядом с которой белела каменная голова «вечно жи-

вого» Ильича. Дойдя до перекрёстка, сфотографировал дома, как мне показалось дореволюционной постройки, или, по крайней мере, довоенной – свидетели боев за Волоколамск в 1941 г. Поднявшись вверх, по улице, по которой я приехал со стороны вокзала, я сфотографировал «тридцатьчетверку» на постаменте. Сам памятник при всём уважении к погибшим советским солдатам смотрелся несколько двусмысленно. Хотя, может быть я сужу чересчур предвзято.

Судите сами. Постамент памятника украшает надпись – «Слава советским воинам, проявившим мужество при защите и освобождении Волоколамска». Значит это в известной мере памятник и командарму 20-й армии, чьи бойцы проявили мужество при освобождении города? К постаменту были аккуратно прислонены два венка. Один из них был перевит трехцветной ленточкой русского национального флага. Странно. Ведь советские солдаты в 1941–1945 гг. шли в бой под красным знаменем, украшенным гербом СССР и девизом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» А русский триколор ещё совсем недавно, в начале 2000-х гг. сторонники советской государственности в пылу полемики иногда называли «власовским флагом». В общем, мне этот памятник показался ещё одной наглядной иллюстрацией нынешнего идеологического винограда. Хотя и был он открыт в 1980-х гг.

Что же касается самой «тридцатьчетверки», стоявшей на постаменте, то она, как и следовало ожидать, оказалась образца 1944 г. и поэтому в битве за Москву в 1941 г. участвовать не могла. И это вполне понятно. Ибо «тридцатьчетверки» образца 1941 г. давно являются раритетами. Например, Т-34 образца 1941 г. можно увидеть в экспозиции музея бронетанковой техники в подмосковной Кубинке.

В общем, при ближайшем рассмотрении оказалось, что в Подмосковье существует не так уж мало памятников, связанных с именем генерала А.А. Власова. Пусть даже и косвенно.

Подмосковье – Москва, 2008–2009 гг.

P.S.: В декабре 2008 г. в издательстве Центрполиграф, в серии «Россия забытая и неизвестная» вышла в свет книга генерал-лейтенанта Е.И. Балабина «Далекое и близкое. Старое и новое. Исправленное и дополненное», в которой есть глава «Власовское движение».

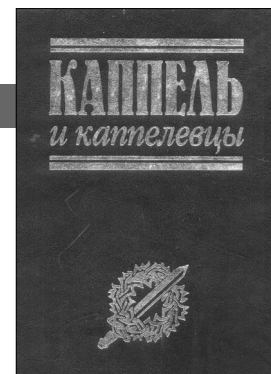
КАППЕЛЬ И КАППЕЛЕВЦЫ

2-е изд., испр. и доп. – М.: Посев, 2007. – 718 с.

Вторая книга серии «Белые воины» посвящена известному генералу – герою Белого движения на Востоке России генерал-лейтенанту Владимиру Оскаровичу Каппелю. В основу книги легли архивные документы и воспоминания, дневники офицеров частей Волжского корпуса, а также впервые издающиеся в России воспоминания полковника В.О. Вырыпаева.

Отдельную часть книги составили работы современных историков.

Цена – 450 р.

Григорий Амнуэль

Ещё раз о культуре, театре, кино, истории, людях и странах

Кризис кризисом, а жизнь продолжается. Общество развивается в разные стороны, сталкиваясь с противоречиями, поступками, событиями. Иногда случаются – культурные.

Позволю себе заострить Ваше внимание, дорогой читатель на некоторых, имевших место в Москве и не только.

Начну с театра. Уже стало прекрасной традицией проведение театральных фестивалей современной пьесы «Новая драма» и, разумеется «Золотой маски» – это не только праздник для участников, но и уникальная возможность, не уезжая из Москвы увидеть, что происходит в театре и в мире. Хочу сконцентрировать Ваше внимание на двух спектаклях «Трансфер» и «Латышская любовь». При всей различности художественных почерков театров и даже стран представлявших эти спектакли есть у них, на мой взгляд, одно общее – они из жизни и о жизни, а соответственно и про нас дорогой читатель.

Итак **«Трансфер» – театр «Wspolczesny» Вроцлав, режиссёр Ян Клята.**

Спектакль построен на документальном материале воспоминаний участников страшных событий середины XX века на пограничной земле между Германией и Польшей – Вроцлав, Восточная Силезия. Если кто забыл, это территории, где исконно жили немцы и поляки, евреи и украинцы, и вот по всем им, по их судьбам и жизни страшным утюгом прошла Война. Но это ещё не всё. Есть ещё три персонажа не отделимые от этих событий, хотя и находившиеся в безопасном отдалении: Черчилль, Рузвельт и конечно Сталин. Три актёра, текстом Ялтинской конференции, и диалогов о разделении мира комментируют тихие страницы мемуаров, в которых и уничтожение евреев, и подполье Армии Крайовой, и УНА-УНСО – украинских националистов, и «освобождение» Красной Армией. Всё вперемешку, продолжая друг друга, тихо и неспешно рассказывают пожилые люди, поочередно выходящие на авансцену. Слова простые, но иногда от подробностей зверств, на которые так легка война человеческая, перехватывает дыхание. Особенно поразительно, что это не актёры, а люди, рассказывающие свои реальные истории, и от этого становится ещё более пронзительно всё происходящее. Три актёра, три «руководителя» и простые люди. Два пространства, вертикаль и горизонталь, с чёрной землёй. Они не пересекаются, но на горизонтале от «актёров-политиков» – страшно и очень, очень трудно оставаться человеком.

Пожалуй, по мягкости формы подачи и по трагизму ситуаций спектакль можно сравнить с фильмом Анджее Вайды «Катынь». Увы, у нас в Москве, в Рос-

сии и ситуация с ними похожа. Наш зал готов слушать про зверства фашистов, но про зверства другой, «нашей» стороны – не готов, ни в коем случае. На войне не бывает белых и пушистых, все не только в золоте наград, но и в крови и грязи. Склоняя головы пред памятью убитых, нужно, необходимо помнить и об убийцах, а тем более о преступниках отдававших человеконенавистнические приказы, дабы не ставить им памятники и не лить елей на их имена. К сожалению, далеко не все собравшиеся в небольшом зале Центра им В. Мейерхольда поняли это.

Кстати, фильм «Катынь», – если не считать работы директора Польского Культурного Центра в Москве И. Граля, мотающегося с показами в студенческих и клубных аудиториях по регионам России, так и не доступен широкому российскому зрителю. Российская фирма, купившая фильм и все права, ни в прокат, ни на ТВ, ни даже на видео и дивиди фильм не выпустила. Вот такая современная, своеобразная полка. Ни запрета, ни разрешения – а в результате – никакой информации. При этом и имя Вайды, и Оскарская номинация, и мнения помощников Президента России, Омбудсмана, уважаемых деятелей культуры – ...а в ответ тишина. Да и нет плана выпуска, видимо кто-то заботливый выделил деньги из бюджета, чтобы фильм никогда не увидел российский зритель?!

Но хватит о печальном, давайте лучше поговорим о любви!

«Латышская любовь» – Новый рижский театр, режиссёр Алвис Херманис.

Ещё в конце 70-х годов в латышских газетах появилось приложение – брачные объявления. Вначале только на латышском языке, потом на русском. Потом за этими газетами охотились по всему Союзу и за номера газет переплачивали втридорога, и лучшим сувениром из Риги стали эти газеты, затмив собою даже янтарь и рижский бальзам. Так было, сам возил друзьям эти газеты. Потом мы привыкли, брачные объявления превратились в «досуг», и казалось всё ушло в историю, но А. Херманис и актёры вспомнили то время, прочли и сделали прекрасный, трогательный спектакль. Драма о человеческом одиночестве, о поиске и жажде любви, о времени и о себе, и конечно о своей стране – Латвии. В спектакле нет, ни приукрашивания, ни преувеличений, всё как в жизни. Пять актёров, благодаря помощи гримёров, костюмеров, декораторов творят чудо. Показывают любовь, такую желанную и такую не доступную. Всё просто, а зал, даже не знающий реальность историй, – верит и сострадает, и под конец взрывается аплодисментами, ведь Латышская любовь ничем не отличается, от российской любви.

Ещё один пример, когда драматургом является – жизнь! Кстати, по авторитетному мнению, самый лучший и изощрённый драматург. Бери и ставь, но только если чувствуешь и знаешь!

И ещё одно, объединяющее такие непохожие, но такие прекрасные спектакли – это музыка. В «Трансфере» это почти Брехтовские зонги, – которые поют артисты – вожди. В «Латышской любви» дуэт из рядового кафе – поющий в стиле популярной музыки Раймонда Паулса, музыку любви, которой часто не хватало советской официальной песне и, конечно, финальный, истинно народный хор с любовью к Родине. Песни о любви всегда немного интимны, песни о родине – публичны. Вот Вам и ещё одна разница между любовью и любовью партии (власти) к своему народу.

23 апреля исполнится 45 лет театру драмы и комедии на Таганке. Театру Ю.П. Любимова. Когда-то, – без лишней скромности, – самому популярному и самому скандальному театру СССР. Люди, приходившие в его тесный и уютный зал в те годы, шли не только за эмоциями, а, пожалуй, прежде всего, за словом правды, но не «Правды». Ловили это слово и в текстах Шекспира и Брехта, Васильева и Евтушенко, Вознесенского и Бакланова, Вайса и Можяева и многих, многих других. Мне легко представить оба описанные выше спектакля на сцене той Таганки. Разумеется, и Ян Клята и Алвис Херманис – не ученики Ю.П. Любимова, и у них свой режиссёрский и творческий метод – но желание говорить честно и правду со сцены, языком театра, у них одинаковое, несмотря на разность поколений. Значит, слово правды – на нашем постсоветском пространстве актуально, и его всё ещё ждёт зритель!

И последнее, о чём не могу не написать. Грандиозный спектакль, поставленный на российской сцене с участием всех звёзд России – Чрезвычайный Съезд Союза кинематографистов. Режиссёр-постановщик и исполнитель главной роли (царя, вертикали власти, спасителя нации, отца народов, избранника богов и толпы) – Никита Михалков.

Место постановки тоже выбрано не случайно – Гостинный двор, уже несколько лет излюбленное место съездов «Единой России». В двух шагах от

Кремля, в зале, где было поддержано избрание В.В. Путина и Д.А. Медведева. Другой сцены у Михалкова и быть не могло – не в Доме же Кино с его Леже! Никита Сергеевич доказал, он не только прекрасный актёр, но и хорошо знает и чтит нашу историю. Трёхчасовая речь, прерываемая долгими и продолжительными аплодисментами, слёзы на глазах докладчика и в зале. Проклятия на головы иноверцев, бросаемые с пылом и поистине с гневом вечных жителей Олимпа. Иезуитская двусмысленность предложений с голосованием среди приближённых, купленных, запуганных кандидатуры соперника – Марлена Хуциева. Включение кандидатуры Владимира Зельдина, – славно перевалившего за девятый десяток, – всё это можно сравнить только с уходами и декларируемым желанием уйти Сталина, и последующей «разборкой с не понявшими». А вопль: «останься, много не знаем, не видим и не хотим!» Как привычен для российского уха, как ласкает его. Невольно вспомнились кадры из «Ивана Грозного» С. Эйзенштейна с коленопреклоненным плачем перед царём Иваном народа. Да и бессмертный «Борис Годунов» М. Мусоргского кстати приходит на ум. Особенно «...народ безмолвствует...» уместно.

Почти 20 лет назад именно в Союзе кинематографистов начались перестройка и гласность. Элем Климов, Андрей Смирнов и многие другие тогда сказали, – мы кинематографисты как деятели важнейшего из всех искусств не хотим и не можем жить дольше в состоянии вранья и неправды, в состоянии засилья пропаганды человеконенавистнических идей. Недаром в зале того съезда находилось место не только словам А.Д. Сахарова, но и Б.Н. Ельцину. Увы, через 20 лет многие сидевшие в том зале оказались в Гостином дворе. Мы прошли спринтерскую дистанцию на проверку, какими мы хотим быть, и какими мы хотим, чтобы было наше искусство и наша страна – Свободной, как призывали 20 лет назад, или Великой – как призывают сейчас. Увы, слишком многие предпочитают Величие Свободе!

Вот поэтому, и наша культура, да и наша жизнь так отличаются от жизни наших соседей. Может быть, всё-таки попытаться что-то исправить. Хотя бы в театре и кино?

Константин Никитин

Рыцарь Белого Воинства

Число художественных произведений, посвящённых Михаилу Гордеевичу Дроздовскому, относительно невелико, однако превышает число произведений, посвящённых любому другому из видных военачальников Белой армии. Из этого можно сделать вывод, что для многих участников Белого Движения личность и образ Дроздовского имели совершенно особое значение. Основным элементом этого образа стал *романтический* ореол, озарявший вос-

поминания современников о герое. А, как известно, именно романтическое восприятие и отражение действительности являются одной из главных побудительных причин художественного творчества.

Большую часть из дошедших до нас произведений о Дроздовском составляют **стихотворения**. Одни из них были опубликованы в 1918–1920 годах в белогвардейских изданиях, другие – позднее, в изданиях Русского Зарубежья. Разные по масштабу

и поэтическому уровню, стихи эти навсегда запечатали трагическую атмосферу Гражданской войны, жертвенную готовность рыцарей Белой армии к борьбе до конца, их надежду на победу над смутой, их веру в своё спасительное предназначение. Образцом такого рыцарского служения суждено было стать Дроздовскому. С момента его кончины всё, что было в нём незаурядного при жизни, стало идеальным, почти былинным. В приказе генерала Антона Ивановича Деникина (1872–1947), изданном на смерть Дроздовского, есть такие слова: «*Высокое бескорыстие, преданность идее, полное презрение к опасности по отношению к себе соединились в нём с сердечной заботой о подчинённых, жизнь которых всегда он ставил выше своей*». С этого момента имя Дроздовского становится синонимом понятия «Рыцарь».

В отличие от поэтических, число музыкальных произведений – песен, посвящённых Дроздовскому, – крайне невелико. Отчасти это объясняется тем, что для рождения песни нужен не только *текст*, но и музыкальный *напев*, а также – *время* для распространения новой песни. С другой стороны, рукописные нотные записи напевов единичны и недолговечны, типографская же их фиксация связана со сложным процессом нотно-издательского дела, что в условиях Гражданской войны было крайне затруднительно. Впрочем, ряд стихотворений о Дроздовском, судя по названиям и содержанию текстов, мыслились их авторами именно как **песни**. Причём, их размер, ритм и отдельные поэтические обороты позволяют определить – на какой напев предполагалось *распеть* эти тексты. Именно это послужило основанием для музыкальной реконструкции некоторых песен.

Авторство большинства произведений на сегодняшний день не установлено. Тем ценнее разрозненные, скупые подчас сведения об авторах, чьи имена известны. Столь же ценны упомянутые в текстах имена сподвижников Дроздовского, названия географических мест и населённых пунктов, с которыми связан боевой путь бесстрашного командира и его воинов. Благодаря этим сведениям легендарный, в известной мере – собирательный образ *Воина-Рыцаря* обретает зримые, реальные, плотью и кровью наполненные черты.

Это тематическое продолжение более ранней работы Мужского Хора «Валаам» «**Тернистый путь борьбы и муки. Песни Белого Движения и Русского Зарубежья**» (IMLCD 114, 2004 г.). Но, в отличие от той программы, состоявшей исключительно из произведений *музыкальных*, теперь она включает и *поэтический* материал. Музыкальную часть композиции составляют песни и марши дроздовских частей, а также произведения современных авторов. При этом хронологический принцип построения программы уступил место принципу драматургического развития повествования, смысловой взаимосвязи фрагментов и художественной выразительности композиции в целом. В связи с этим некоторые включённые в программу произведения нуждаются в пояснении.

«**Я рыцарь и монах**». Судьба автора этого стихотворения удивительна. Учащийся Петербургской Духовной Академии **Иван Васильевич Виноградов** (1895–1981) в начале Первой Мировой войны был мобилизован в армию, в октябре 1916 г. произведён в прапорщики и направлен на Румынский фронт. После событий 1917 г. он вступил в отряд Дроздовского, с которым прошёл путь от Ясс до Новочеркасска. В боях под Ростовом-на-Дону Виноградов был дважды ранен. В 1920 г. с Русской Армией генерала Петра Николаевича Врангеля (1878–1928) покинул Россию. За границей получил высшее духовное образование, был пострижен в монахи (с именем Исаакий), позже рукоположен в иеромонахи и отправлен на служение в Прагу, где стал игуменом (1933 г.), а затем архимандритом (1936 г.). В 1945 г. был арестован и этапирован в СССР, репрессирован, но затем по состоянию здоровья освобождён. Был настоятелем Никольского кафедрального храма в Алма-Ате, затем настоятелем Вознесенского храма в Ельце – с 1958 г. вплоть до своей кончины в 1981 году. Виноградов любил поэзию и сам писал стихи, отличающиеся искренностью, глубиной и выразительным поэтическим слогом. Написанное в 1919 г. (уже после смерти Дроздовского) стихотворение «Я рыцарь и монах», помимо его пророческой автобиографичности, замечательно тем, что в нём предстаёт образ бесстрашного воина-рыцаря – такого, каким был Дроздовский, какими были его соратники, и сам Виноградов – будущий архимандрит Исаакий.

«**Из Румынии походом...**». В тексте песни есть две любопытные детали. Во-первых, это упоминание об идущем со своим отрядом *генерале* Дроздовском. Однако во время похода из Ясс на Дон Дроздовский был полковником. Во-вторых, в качестве полкового знамени в тексте песни упоминается трёхцветный русский флаг. Между тем, полковым знаменем стрелкового офицерского полка был знамённый Андреевский флаг 1-го Морского полка Балтийской дивизии, который принёс в полк полковник Михаил Антонович Жебрак-Русанович (1875–1818).

«**К рыцарям без страха и упрёка**». Стихи талантливому русскому поэту и верному сыну России, русского офицера **Сергея Сергеевича Бехтева** (1879–1954) занимают здесь важное смысловое место. В них нет прямого упоминания о Дроздовском или о Дроздовцах, но чувства, думы, воля и вера всех русских «*рыцарей чести и долга*», отправившихся в свой последний «*грозный, великий Крестовый поход*», отозвались в этих стихах с потрясающей мощью и трагической болью. Поразителен своей символичностью образ «*последнего Двенадцатого Часа*», заимствованный из древне-христианского апокрифического сказания, согласно которому именно в 12-ый час своего бытия Адам согрешил и был изгнан из Рая, т.е. из его родных мест, из его Родины.

Мужественный гимн **Константина Никитина** на стихи Бехтева «**Двуглавый орёл**», а также две выразительных баллады **Евгения Юркевича** «**Последняя атака**» и «**Будь офицером!**» на стихи Бех-

теева представляют в программе творчество современных авторов, в произведениях которых нашли своё новое отражение образы героев Белого Воинства, их верность долгу, чести и присяге.

«Наш путь». Автор этого редкого по выразительности поэтического описания вступления отряда Дроздовского в Новочеркасск неизвестен. Однако по своему слогу и поэтическим приёмам стиль произведения напоминает стиль стихотворений Виноградова.

Стихотворение «На обложке одного из романов Вальтер-Скотта» начинается с пронзительной, почти трагической ноты: год написания стихотворения – 1918-й – охарактеризован неизвестным автором, как «*кровавый год кровавых слёз и пота, ...год одичалости и дикости людской*». А в связи с образом Дроздовского упоминание о Вальтере Скотте приобретает в высшей степени символическое значение: именно этот автор считался в России мастером жанра *рыцарского романа*, в котором воспевание подвигов чести и доблести во имя любви, добродетели, веры и свободы нашло своё ярчайшее воплощение.

«Аллаверды Дроздовскому». Поводом к написанию этого произведения послужило преждевременное сообщение о смерти Дроздовского, напечатанное в ноябре 1918 г. некоторыми донскими газетами. Дроздовский ответил на это шутливым опровержением, которое с восторгом было встречено его подчинёнными и привело к сочинению «Аллаверды Дроздовскому».

Горестно-элегическое стихотворение «Спите тихо!» написано Зинаидой Готгардт (даты жизни неизвестны) – выпускницей Александровского военного училища (1917 г.). В чине подпоручика она служила во 2-й батарее 1-го Дроздовского артдивизиона. После ухода из Крыма, жила в Югославии, воспитывала дочь, писала стихи.

Автор стихотворения «М.Г. Дроздовскому» – Николай Дмитриевич Невадовский (1878–1939). Участник похода из Ясс на Дон. В мае 1918 г. назначен инспектором артиллерии Добровольческой армии. В эмиграции жил в Париже, возглавлял Союз

Добровольцев, был издателем основанной Деникиным газеты «Доброволец».

В песне «О, Боже Правый...» упоминаются имена двух сподвижников Дроздовского. Один из них – Антон Васильевич Туркул (1892–1957) – участник похода Дроздовского из Ясс. Впоследствии в Русской Армии генерала Врангеля был произведён в генерал-майоры и назначен начальником Дроздовской дивизии. В его книге «Дроздовцы в огне» есть такие слова: «*Наш командир был живым средоточием нашей веры в совершенную правду нашей борьбы за Россию*». Другой – Морис Морисович Конради (1896–1944 /?/), швейцарец по происхождению, добровольцем ушедший в 1914 г. на фронт, где был ранен и награждён орденом Св. Георгия 4-й степени. Окончив офицерскую школу, воевал в Румынии, откуда в составе отряда Дроздовского отправился в знаменитый поход.

Два следующих стихотворения (авторы неизвестны) – «На смерть генерала Дроздовского» и «Дроздовцы» – написаны в 1919 году. Будучи наполнены конкретными деталями ратного пути генерала и его Дроздовцев, они замечательны своей документальностью. В следующей затем песне «Сегодня праздник полковой» воспоминание о Дроздовском соединяется с обращением к Архистратигу Михаилу – небесному покровителю Дроздовских частей.

Обрамлением трогательного по искренности стихотворения «Рыцарю без страха и упрёка» стали слова генерала А.И. Деникина из его приказа на смерть генерала Дроздовского: «*Мир праху твоему, рыцарь без страха и упрёка...*».

Художественные произведения, воплотившие образ Дроздовского, в основном были созданы в короткий период 1918–1919 годов. Их создал Художник – человек, наделённый свыше даром улавливать голос души своего народа. Но, творя для людей, истинный Художник обречён быть бесстрашно одинок. Точно так же, как одинок обличающий людское зло и нечестие Пророк. И точно так же, как бесстрашен идущий в бой за мечту, справедливость и святую любовь Рыцарь без страха и упрёка.

КНИГИ И ЛЮДИ

Валерий Сендеров

Война и мир Нагорного Карабаха

После арабского завоевания большей части Испании все попытки испанцев сбросить иго иноверцев оказались неудачными... Марроканские силы

и местные националисты проводят повсеместную резню христианского населения, занимают страну и провозглашают на большей части Иберийского полуострова марионеточную Магрибскую республику со столицей в Мадриде... Лишь немногие испанские области с помощью самообороны избежали поголовной резни и провозгласили независимость Республики Испании... Дружбы народов не случилось: испанцы вытесняются из Каталонии... Магрибские ученые выдвинули теорию, что испанцы

*Мелик-Шахназаров А.А. Нагорный Карабах: факты против лжи. Информационно-идеологические аспекты нагорно-карабахского конфликта. – М.: Волшебный фонарь, 2009. – 768 страниц; с 40 иллюстрациями ISBN 978-5-903505-07-04 <http://www.sumgait.info/caucasus-conflicts/nagorno-karabakh-facts/nagorno-karabakh-facts-contents.htm>

суть пришлые на Иберийском полуострове...

Это, разумеется, альтернативная история. Такой вариант не осуществился: не нашлось на крестоносных рыцарей «правозащитных» проарабских организаций. Дабы гневно заклеить воинство Христово: негуманно это, по-расистски – отшвырнуть наползающий на Европу исламский вал...

И сегодня уцелели еще народы, у которых против подобных заклинаний – устойчивый исторический иммунитет. Книга, о выходе которой мы хотим сообщить нашему читателю, – не антиутопия. Не очередной небезосновательный прогноз окончательной гибели христианского мира. Эта книга о стране, не пожелавшей встать на «испанский» путь развития. И ценою огромных жертв добившейся свободы.

Страна эта – Нагорный Карабах. Война маленькой горной республики с Азербайджаном оказалась кровопролитнейшей на территории бывшего СССР. Но трудно доставшаяся победа была лишь началом долгого пути. В условиях внешней блокады и порой обострившихся внутренних послевоенных проблем карабахцы смогли построить современное христианское государство. С открытой экономикой, свободной прессой, демократичной политической системой. За выборами в непризнанной республике всегда тщательно следят наблюдатели. Из разных стран, из авторитетных международных организаций. И отмечают их соответствие международным стандартам, прозрачность и открытость карабахских политических процедур. Это не мешает, правда, с высоких европейских и ооновских трибун ставить Карабаху нелепые невыполнимые условия, фактически требовать отказа от построенной демократии, от завоеванной свободы.

Обо всем этом книга. О карабахской войне и о карабахском мире. Об истоках вопроса. О сегодняшнем положении страны в мире и о ее перспективах на будущее.

Автор книги, Арсен Мелик-Шахназаров, – журналист и дипломат. Описание событий мы получаем из первых рук: Арсен – их участник. Участвовал он и в первых прямых переговорах между карабахцами и азербайджанцами в июле 1993-го, прошедших прямо в поле, между огневыми позициями сторон, в результате которых было достигнуто временное прекращение огня. К сожалению, оказалось оно тогда недолгим, и лишь 12 мая 1994-го было подписано соглашение о прекращении огня, худо-бедно соблюдаемое сторонами конфликта и по сей день. Правда, и оно не положило конец постоянным угрозам: в теплых бакинских кабинетах легко забывается ясная на полевых переговорах правда о бесперспективности войны.

Книга Арсена Мелик-Шахназарова прекрасно документирована, насыщена фактами. Изложение в ней – концентрированное, деловое: «вставная новелла», с изложения которой мы начали эту заметку, – единственная вольность на протяжении всего фундаментального текста.

Трудно безоговорочно считать все это достоинством книги: речь ведь идет не о научном труде. Читая Мелик-Шахназарова, понимаешь, почему армяне часто проигрывают в пропагандистских войнах. Среди армянских дипломатов и журналистов много людей с менталитетом ученых. Ученый же, имея сто доказательств своей гипотезы, невозмутимо изложит их, не заботясь о внешних эффектах. Но где-нибудь на десятом доказательстве отключается уже и самая серьезная слушательская аудитория...

Мало какой неспециалист вычитает такую книгу «по строчкам». Но можно внимательно ознакомиться с ней: несколько раз пролистать, прочесть заинтересовавшие тебя главы. Еще раз подчеркнем: перед нами монография, фундаментальный труд.

Представляется, что широким читательским кругам эта книга по двум основаниям может оказаться полезной. Интерес к Кавказу после минувшего лета очень велик. Не к Карабаху: там война – слава Богу! – давно отгремела. Но Кавказ не только географическое понятие, есть некоторые общие закономерности у событий этого региона. И закономерности эти могут открыться нам прежде всего из книг армянских авторов.

А теперь о главном.

Под «Империей» мы привыкли понимать нечто обязательно большое и свирепое: за это одни любят понятие, другие ругаются им. Но у великих Империй бывали и периоды совершенного военного упадка. Однако и в эти периоды они Империями безоговорочно признавались – как друзьями, так и врагами своими.

Есть внутренние, совсем не силовые характеристические признаки Империй. «Единение ради общего блага» – еще римский принцип, основная из таких характеристик.

И эта характеристика поясняет главное. Армяне не только самый близкий нам, духовно и политически, «внешний» народ. По большому, «римскому» счету мы с ними были и остаемся – в одной Империи.

А интересы своей Империи надо знать. Чтобы – скажем по-простому, без политкорректности и лукавства – при необходимости защищать их.

Необходимость этого постепенно осознается Россией, отчетливым симптомом осознания стала «Московская декларация» – итог переговоров президентов России, Армении и Азербайджана. Проармянская линия, о необходимости которой мы пишем в «Посеве» с конца 1980-х годов, становится сегодня политикой нашей страны.

И не нужно стесняться этой приставки – «про-». Нечасты случаи, когда практические интересы полностью совпадают с требованиями нравственной справедливости. Армянская же ситуация для нас именно такова. Наконец-то мы начинаем понимать это – и, соответственно, шансы на востребованность насыщенной фактами книги о Карабахе ощущаются растут.